

Соня Василевская

Криминальный роман "Наказание"

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Соня Василевская

Наказание

«Автор»

2019

Василевская С.

Наказание / С. Василевская — «Автор», 2019

90-е гг. 20 века, Москва. На примере двух друзей показана криминальная Россия "лихих" 90-х. Одному из друзей время бросает вызов, второй сам бросает вызов времени. Юрий Ваганов - хладнокровный убийца, перед которым не встаёт вопрос о том, как поступить, он без оглядки идёт по головам, и вопросы совести его не мучают. Убийца-одиночка, он воплощает рецидивную преступность. Валерий Завьялов воплощает преступность организованную. Роман утверждает справедливую победу над криминалом, когда ни один преступник не остаётся безнаказанным. Содержит нецензурную брань.

© Василевская С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая Бандиты	5
1. Зона строгого режима	6
2. Бандитский интернационал (История одной банды)	8
3. Похищение	13
4. Первые дела	15
5. Таня Ольшевская	18
Часть вторая Рецидивист	20
1. Душегуб	21
2. Шевцов	22
3. Девушка	24
4. Преступная душа	26
5. Привет с большого бодуна	28
6. Преступник уличен	30
7. Словесная разборка	32
8. Рабыни	35
9. Прощай, друг!	38
10. Схватка	40
11. Охота на Бесланбекова	43
12. После убийства	45
13. У башкова	47
14. Денис Метлешку	49
15. У Шевцова	50
16. Следователь Лукьянов. Одна ночь в ИВС	52
17. Рабочий полдень	55
18. В кутежах по жизни	57
19. Дурная шутка	59
20. Любовь	62
21. Разговор с незнакомцем	64
22. В семье Ольшевских	66
23. Вот такой жених...	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Наказание

Часть первая Бандиты

*Зима 1994 года
Рязанская обл, Скопинский район,
пос. Октябрьский
ИУ ЯМ 401/2*

1. Зона строгого режима

– Доброе утро, граждане осужденные!

– Здравия желаем, гражданин начальник!

– Ну, как вам спалось, какие сны снились?

– Да спалось нам хорошо, – продирая сонные зенки, ответил за всех зек по прозвищу Вадим Колыма, – а сны здесь видишь известно какие.

– На поверку становись! – скомандовал отрядный.

Заспанные зеки начали лениво подниматься на шконках – кто на первом ярусе, кто на втором. Натянув робы, отряд выстроился в очередь у умывальника. Перед паханом Колымой все расступились, уступая ему право умыться первому.

Дружным строем все выкатились на тюремный плац и стали в шеренгу. Отрядный начал перекличку, а дойдя до Ваганова, сообщил, что его вызывают к начальнику.

Ваганов постучался в дверь к «хозяину».

– Разрешите войти, товарищ начальник?

– Заходи, заходи. Присаживайся.

Ваганов сел.

– Ну что, Юрий Андреевич, отбыл свой срок?

– Отбыл наконец-то, – Ваганов даже улыбнулся.

– Что ж, прощаться с тобой бесполезно: такие, как ты, на свободе долго не задерживаются. Если не у нас, так на другой киче окажешься.

– А вы почему знаете, я ведь только первый срок мотал. Может, я на путь исправления встал?

– Ты – на путь исправления? Никогда в жизни! Ты и законопослушная жизнь – две вещи несовместимые.

– Нет уж, я свое отсидел, – неподкупно заявил Ваганов.

– Ну, дай бог, дай бог. Чем на свободе заниматься думаешь?

– Пока не знаю. Я там десять лет не был, забыл даже, чем там дышат.

– Зайдешь в канцелярию, получишь справку. И со справкой в течение трех дней станешь на учет в милиции. Я уже в твой РОВД сообщил, что ты освобождаешься. В бухгалтерии забереешь деньги, которые заработал за шесть лет. Дома-то ждет кто?

– Мать если только.

Лязг тяжелой связки ключей слышится на лагерьном коридоре. Дверь открылась, и в барак вошел надзиратель – «вертухай» на местном наречии, и с порога сообщил:

– Матвеев, тебе передача пришла!

Матвеев с довольным видом отрывается от нард и чешет за вертухаем. Вскоре он возвращается с большим пакетом, доверху нагруженным разной съедобной снедью. Здесь так: каждый старается для себя. Но поделиться «греваком» с паханом – это не только первое дело, а даже закон. Матвеев это помнит и послушно ковыляет к Колыме. Иначе тот сам подойдет и сам возьмет нахрапом, тебе же хуже будет. Колыма внимательно копается в пакете, отбирает себе что получше. Короче, лишает мужика почти половины добра и отпускает с миром. Ваганов в последний раз посмотрел на здешние порядки.

Ваганов вышел за ворота. Стояла зима. Его никто не встречал, но он не обижался. Корешам было некогда, они предупредили заранее. Дорога его лежала до родной Рязани, где был его дом и семья. Там мать – она наверняка встретит.

Рязань

И Ваганов не ошибся: мать действительно встретила его со слезами на глазах, крепко обняла. Ваганов свободе был, конечно, рад, но мать встретила как-то прохладно. Мама старалась его накормить до отвала, но Ваганов уже отвык от домашней еды.

Десять лет провел он в неволе, из них четыре года – на малолетке. Попал он туда в четырнадцать лет за ряд краж и грабежей и двойное убийство: убил двух маленьких детей. От высшей меры его тогда спас только возраст. Учитывая тяжесть преступления, после восемнадцати лет ему определили строгий режим. Сейчас Юрию Ваганову было двадцать четыре года и одна судимость, но на свободу он вышел матерым уголовником, как будто полжизни провел за решеткой. Останавливаться он не собирался, наоборот, он на будущее решил не оставлять следов.

Как ранее судимому за особо тяжкое деяние, над Вагановым был установлен административный надзор сроком на один год. Это означало, что регулярно он должен являться в уголовно-исполнительную инспекцию для отметки, не имел права без уважительной причины и разрешения покидать город, обязан был трудоустроиться, дома полагалось бывать после десяти вечера, а еще категорически запрещалось пить и посещать развлекательные места. Несоблюдение надзора влекло штраф.

– Я забыла тебе передать, – сказала мать, – Завьялов оставил свой номер и просил перезвонить.

Ваганов позвонил. Валерий Завьялов был его лучшим другом.

– Рад тебя слышать! – ответил Завьялов. – Рад, что откинулся. Это надо отметить. Давай сегодня в ресторане на плавучей пристани.

– Завьял, мне год нельзя посещать рестораны, – грустно сказал Ваганов.

– Плохо. Но отметить надо. Надо у кого-то в гостях собраться.

– Мне пить тоже нельзя.

– Ты и не будешь. Мы тебе соку нальем. А с девочками – можно?

– Про девочек ничего не сказали.

– Ну, слава богу, значит, можно. Только первым делом самолёты, а девочки потом. Подожди, дай подумать... Придумал! Сиди дома и жди меня.

2. Бандитский интернационал (История одной банды)

Валерий Александрович Завьялов, с которым Ваганов вел душевную беседу, относился к тем главарям русских преступных группировок, которые в своем деле не имеют единой направленности, а принадлежат к общеуголовному профилю, типичные гангстеры. Попал Валерка в банду несколько месяцев назад и вскоре занял место главаря. Занимается рэкетом и контролирует его, в криминальных кругах больше известен как Завьял или Валентин, коротко Валек.

Банда образовалась зимой 1993 года. Создателем банды, названной практически сразу же после своего образования «Черный лев», был Владимир Михневич – сосед Завьялова по подъезду, загремевший еще в советское время за хулиганство, сопряжённое с грабежом, на шесть лет в костромскую зону строгого режима. Через пять лет Вова откинулся по амнистии за хорошее поведение. И вернулся в Рязань, где за короткий срок сколотил в родном городе целую бригаду из местных и пришлых уголовных экземпляров. Каждый участник банды приводил знакомых: сидельцев, друзей, родственников.

В составе банды были русские, белорусы, один украинец и один прибалт, поэтому банда была интернациональной. Имя прибалта Сёвы, придуманное, но узаконенное было Георгий Геральдович Севастьянов, по документам на латышский манер – Севастьянис. Каково его настоящее, латышское имя – никто не знает. Сам Сёва, возможно, и то не помнит его. Уроженец Риги, он по-русски говорит довольно хорошо, хотя иногда латышский акцент все же проскальзывает.

Поначалу группировка включала в себя больше двадцати бойцов. Но добрая их половина была потеряна в криминальных войнах и разборках, которые успел провести Михневич. К тому же Михей совершил убийство в собственных рядах. При Михневиче банда отличалась жестким уставом и строгой дисциплиной. Наркотики и алкоголь были под запретом. Изнасилования не допускались.

Обязательным для каждого участника этой бригады было умение водить машину, занятие спортом и умение плавать. Машину и оружие полагалось иметь в наличии обязательно каждому. Права же на машину и на оружие они имели самые правильные и законные. Рабочими машинами при Михневиче служили легковые «Вольво-740» темно-зеленого и серебристого цветов с темными тонированными стёклами. Плавать они умели, как на подбор, все, а спортом занимались с удовольствием и активно. Вся бригада была обеспечена радиотелефонами, что для начала девяностых было большой роскошью. В арсенале «Черного льва» были пистолеты системы «вальтер» и «наган», автоматы, ножи, взрывные устройства, обрезы винтовок. Что же до денег, то большую их часть братва имела долей с вещевых рынков, с автозаправочных станций, магазинов и др. объектов коммерческой сети.

Вскоре в банду, которую по фамилии главаря конкуренты звали коротко – «михневцы», примкнул младший брат главаря Михневича Андрей, едва отслуживший в армии. А еще раньше в составе бригады был и Сергей Малахов, или Лимон, уроженец Шацка. Вот его-то Вовка собственноручно и убил. Произошло же вот что.

Едва образовавшись, «михневцы» сразу же нажили себе врагов среди прочих организованных групп. Во-первых, вся Рязань уже давно была занята и поделена на сферы влияния и территории, поэтому конкуренты, тем более новые, не нужны были никому; во-вторых, «михневцы» с первых дней своего существования отличились особой дерзостью. Они нахрапом прикладывали лапу к тому, что принадлежало другим, потому неудивительно, что парочка самых влиятельных в городе банд люто возненавидела их. Особую ненависть проявляла банда москвичей – «столичные», как их еще называли, в составе которой было восемнадцать пацанов – все из Москвы или области, и все – ранее судимые элементы (отсюда и их второе название

– «синие»); а заправлял ими Якут – один-единственный рязанец. Он перебрался в Москву, где и создал организованную группу. Но в Москве оказалась огромная конкуренция, поэтому на правах рязанца Якут перебазировал бригаду в свой родной город. Якут мнил себя хозяином города, а тут вдруг появляются какие-то сямки... Якут приказал своему «шестерке» навести справки, кто они такие, и скоро узнал, что «Черный лев» – бригада интернациональная, в составе которой есть представители разных национальностей, а в таких случаях территорию города положено очищать от чужаков, тем более что бригадир наглецов ни у кого разрешения не спрашивал, можно ли им образоваться и залезть на чужую территорию. По этой причине между «львом» и москвичами вскоре вспыхнула борьба за территорию. Однако победу одержал Михневич: он надолго вытеснил Якута и его «быков» из Рязани. Тогда банда Михневича понесла первые людские потери, а сферы влияния Якута были разрушены. Такого криминального беспредела провинциальная Рязань еще не знала. И вот в жаркое для Рязани лето 93-го, в разгар бандитской войны, внутри «Черного льва» происходит неслыханное по своему масштабу предательство.

Сергей Космачев, он же Косматый, был держателем рязанского «общака», и вот однажды, а именно минувшим летом, кто-то совершил оттуда покражу. Как выяснилось через три дня, вором был Лимон, он же Сергей Малахов, михневский «бык». Косматый сообщил о том Михею, но Михей и Косматый находились в приятельских отношениях, поэтому предстоящую разборку Вове удалось замять, а вот Лимона он из бригады нахрен выкинул. И теперь «безработный» Лимон решил подкатить к кому-нибудь из врагов, кто помельче, и попроситься в их команду. Выбор его пал на бригаду Боброва, которую Михневич побаивался, тем более у тех в прошлом месяце рэкетира на разборке положили... Бобра Лимон нашел в ресторане «Презент», где тот ожидал важной встречи. Нашёл быстро потому, что «Презент» был самой любимой точкой Бобра в городе. Ожидаемый человек пред ясные очи Бобра еще не явился, вот Лимон и уселся напротив. Негодованию Бобра не было конца.

– Япона мать, что ты здесь делаешь?

– Бобр, теперь я безработный, – несмело начал Лимон.

– Так а я че тебе, биржа труда?

– Михей меня уволил.

– А чего ж ты, гад, еще хотел? Крыса и есть, это ж надо было взять на «гоп-стоп» целый «общак»...

– У вас нет рэкетира, я знаю. Возьми меня к себе.

Бобр сначала вопросительно оглядел этого товарища, а потом громко заржал.

– Не, ну ты, в натуре, охренел! Хочешь, чтобы против меня вся Рязань ополчилась и встала на дыбы, чтобы мне все бригады войну объявили? А знаешь ли ты, что воевать мне не в кайф, особенно из-за такой гниды, как ты? Как тебя за «общак» вообще не зашмалили, уroda?

– Я несколько месяцев был в бригаде Михея, в моих руках находятся вещи, которые тебе могут быть интересны, а сам я – полезен.

Бобр отрицательно изменился в лице: он понял, какую плесень видит перед собой, но ответил так:

– Короче, базарить с тобой мне некогда – у меня тут «стрелка забита», с минуты на минуту должен подъехать человек. Что я могу сказать тебе. Подгребай сегодня к семи часам вечера на восьмой километр Московского шоссе, там и придумаем. Я, возможно, прибуду с ребятами. Может, мы там над тобой боевое крещение и произведём. И вот мой гость идет, так что попрошу...

Малахов встал обнадеженный. Хотя нутром чуял – ибо знал, что он совершил не прощаемый проступок, – что Бобёр чего-то не договаривает.

Извинившись перед своим гостем, Бобр позвонил Михневичу.

– Михей, это Бобр. У меня для тебя есть новость.

– Валяй, – предложил Вова удивлённо: всё-таки недруги звонили ему не каждый день.

– Э, нет, эту новость стоит лицезреть вживую. Жду тебя сегодня ровно в семь на восьмом километре Московского шоссе. Можешь подгрести один, а можешь и с пацанами.

– Понял, буду.

...В назначенное время Малахов и Бобров были уже на месте, последний распекал первого липовыми обещаниями, чтобы отвлечь его, когда подкатил Михневич. Из бригады он взял только брата, но сказал Андрею оставаться в машине; сам же подошёл к ожидавшим.

Два родных брата, а такие с виду разные. Вовка – долговязый, рыжий, с зелёными глазами, двадцати семи или двадцати восьми лет; Андрей – ниже ростом, блондин, вчерашний солдат двадцати лет. Старший некрасивый, младший симпатичный. И менее опасный.

Увидев своего бывшего главаря, Лимон заскулил:

– Ты что задумал, Бобр? Так-то, значит?

– Вован, – сказал Бобров, – эта мразь, эта гнида, спершая общак, попросилась ко мне в бригаду, жалуясь на отсутствие у меня рэкетира и на свою безработицу. Но ты же знаешь: враги мне в бригаде не нужны, а войны мне и подавно не надо. Я бы, конечно, мог его замочить – за «общак» его замочить имеет право всякий, но я хочу, чтобы его судьбу решил ты: все-таки он твой бывший боец.

– Да че тут зря трепаться! – вскинул «волыну» Михневич. – Собаке и смерть собачья! – и всадил в грудь Сергея сразу пол-обоймы. Тот, окровавленный, свалился мешком. И тут же, прямо над трупом Малахова, главари обеих враждующих сторон пожали друг другу руки...

Кардинал

Трижды судимый Сёва, хотя и не сразу, вывел незрелого Вову Михея на обалденного вора в законе – Конкина-Кардинала, бывшего тогда уже «крестным отцом» Рязани и ставшего «смотрящим» группировки. Вся его роль в бригаде сводилась к третейскому судейству: авторитет разрешал вопросы, которые не могли разрешить между собой участники бригады, и отвечал за порядок дел в бригаде. И только Кардинал мог наказать главаря. Никакого другого участия в жизни «Черного льва» законник не принимал.

В законники Виктор Владимирович Конкин был коронован девять лет назад, и за эти годы успел широко и далеко прославиться на полмира. Тайна столь завидной его популярности неизвестна. В ряде стран мира «Черный лев» под покровительством Кардинала называли не иначе как «Аль Капоне и его неприкасаемые».

А вот на родине в России Конкин имел массу врагов, которые откровенно завидовали его популярности и мечтали его физически устранить. Несколько раз на него покушались, но он всегда находился при охране, в бронезилете и при оружии, а его лимузин был бронирован по седьмому классу безопасности. Насколько Кардинал был известен, настолько и осторожен; сколько у него было противников, столько же и сторонников, которые имели возможность узнать о готовящемся на Виктора Владимировича покушении и либо предотвратить его, либо сообщить Кардиналу. Кардинал держал воровской общак. Летом 93-го из-за этих денег в Рязани разгорелась самая настоящая война законников, из которой Кардинал вышел победителем: во вражескую штаб-квартиру была брошена самодельная граната-лимонка. Вражеская группировка во главе с Лихачом была ликвидирована одним взрывом. Сторонники Лихача сразу нашли виновного, но мстить за убитого побоялись.

Конкин Виктор Владимирович – уроженец города Михайлова Рязанской области, ранее пятикратно судимый субъект, «чистоган», собой весьма неприятный, даже страшный, отталкивающей внешности сорокашестилетний мужик со вставными зубами из обоих драгметаллов, практически лысый и с головы до пят «наколотый», спортивного сложения, со злыми глазами, к тому же очень сильный физически. Сверх того, сейчас у него начало отрастать безжалостное брюхо. В свои дела «сынков» Кардинал никогда не впутывал и свои проблемы привык всегда

разруливать сам. Это был абсолютно независимый авторитет. Курил он обычно всегда сигары – настоящие кубинские или голландские, пил только дорогие спиртные напитки. Кардинал – законник старой школы, проповедник воровских идей. Быть «смотрящим» он вызвался сам. Беспредела не одобрял. Кардинал называл себя вором элитным, которому беспредел был просто не к лицу. Это авторитет, за плечами которого есть и ненавистные ему криминальные войны за передел территорий, власти, сфер влияния, и даже предотвращение этих самых войн и их предупреждение, чему Витя Рязанский активно поучал других авторитетов – молодых воров или «апельсинов». В его власти находится целый провинциальный город Рязань и область, в том числе его родной город Михайлов и Рыбинск, в котором однажды короновали его самого. Его охрана насчитывает шесть человек, которые носят бронежилеты и огнестрельное оружие. В арсенале самого Кардинала имеется браунинг.

Недавно Конкин побывал на воровской сходке в Кемерово, где обсуждался вопрос назначения нового «смотрящего» по Сибири: центровой по Сибири был убит в Москве на большой разборке авторитетов, понаехавших со всех сторон необъятной державы. На сходке стоял вопрос об избрании нового центрального. На сходняк Кардинал прибыл при полном обмундировании: без сопровождающих, но со шмайзером (автоматом М-40) и сам в бронежилете.

Значительная фигура генерала преступного мира появилась в банде под закат лидерства Михея.

Участники «Черного льва» проживали по домам. У большинства были семьи – где жены с детьми, где просто родители. Каждый жил дома, а как надо было выехать на дело, просто созванивались. Так было удобно. Одеваться Вова постановил свободно, хоть по-домашнему, при том, что сам носил опрятный костюм. Он же распределил собратьям и их обязанности. Так, Хохла главарь сделал главным разбойником и возложил на него организацию разбойных нападений, Зенкевич, уроженец Гродно, стал штатным убийцей, а Честов, уроженец Спасск-Рязанского, – штатным похитителем людей. Сёва стал курировать наркобизнес по Рязани и области. Данила Туманов, уроженец Новомичуринска, занялся взятками и фальшивомонетничеством. Брат Андрюша стал главным террористом. Были и те, кто занимался «черным риэлтерством» и мошенничеством. Но с потерей половины бойцов их обязанности легли на плечи оставшихся участников.

На очередной войне Вова Михей был убит. Его просто расстреляли из окна машины. «Черный лев» стал обезглавлен. Обязанности главаря временно принял на себя Кардинал. Погоревали «михневцы», помянули главаря добрым словом и похоронили по-королевски, с большими почестями на кладбище под Рязанью и установили ему на могиле памятник во весь рост. Михневич был главарем восемь месяцев. После его похорон бандиты собирались избрать нового главаря, а пока укатили отдыхать в Турцию. Вернулись к Вовиным шестинам, которые отбахали с большой пышностью.

Сначала думали главарём поставить Андрея, но тот не согласился. Тогда ему сказали самому назначить бригадира или же привести кого-то нового. Так в банде появился Завьялов. Валерка к тому времени закончил юрфак МГИМО и должен был пойти на работу в прокуратуру. Интеллигентный и законопослушный парень, он вызывал сомнения насчет того, сможет ли он стать бандитом. Взяли его без особого удовольствия, но боевое крещение Валерка выдержал и сразу стал главарём, начав также исполнять Вовкины обязанности рэкетира.

С приходом Завьялова в «Черном льве» произошли изменения. Рабочими машинами стали «Ауди-100» с темными стёклами, дисциплины вообще не стало. Наркотики остались вне закона, но алкоголю путь открылся. В любое время позволялось шутить, рассказывать анекдоты, а на досуге можно было играть в карты, бильярд или в рулетку. А можно было и с девочками погудеть – с проститутками, которых эти черти содержали в борделе и на которых лепили офигенный нелегальный бизнес. (Все потому, что Михневича бросила невеста, когда его осу-

дили. После этого Вовка затаил обиду на всех женщин, ведь невеста ушла именно к тому, кого Вова избил и ограбил. Торгуя проститутками, он мстил всему женскому роду за свою поруганную любовь). Завьялов же одел бригаду по американскому типу: назначил всем участникам носить черные костюмы и темные очки.

С сильными группировками Валера предпочитал дружить, а слабых просто подминал. Он приостановил войны и посоветовал всем их избегать, потому что участников осталось всего семеро...

В отличие от Михневича, Завьялов женщин любил и уважал, причем всех без разбора. По женской части он вообще был очень приставуч. К жившим у них проституткам относился лояльно, но освободить их не мог, потому что торговля ими приносила огромные доходы.

...«Черный лев» крышует несколько коммерсантов, контролирует рынки, собирает с некоторых категорий «дань», ведет борьбу за выживание, грабит, торгует оружием и иногда убивает...

3. Похищение

Рязань

Бизнесмена Михаила Павловича Шевцова «завьяловцы» убили полгода назад. После себя он оставил туристическую фирму «Континенталь-авиа» в Рязани, а в Москве был ее филиал. Московским филиалом руководил очень ответственный человек по имени Вадим, доверенное лицо Михаила Павловича. Рязанский же главный корпус перешел к сыну Шевцова Максиму, которому было всего лишь двадцать лет. Однако, несмотря на возраст, дело отца он знал хорошо и продолжал самостоятельно его осваивать.

«Континенталь» на рынке была новичком, ей не было еще и года. Когда она появилась, тогда еще «михневцы» начали осаждать Михаила Павловича, чтобы его рэкетнуть. Но Михаил Павлович не сдавался и не шел на поводу у бандитов. Тогда бандиты решили его убрать. Но к тому времени главарь бандитов сменился. А новый главарь, Завьялов, и сам положил глаз на «Континенталь». А когда ему сообщили, что хозяин там несговорчивый, Валерка приказал его устранить.

Узнав, что после отца фирмой занялся его сын, бандиты переключили свое внимание на него. Максиму было двадцать, он недавно женился. Однажды в обед ему позвонили и приятный, но недружелюбный голос сообщил, что похищена жена Максима Оля. За нее требовали двадцать тысяч долларов. Времени на их поиск выделили одни сутки.

Гангстеры держали Олю Шевцову в штрафном изоляторе своей штаб-квартиры. Туда помещались участники, серьёзно нарушившие устав группировки.

Оля была привязана к батарее. Время от времени к ней заходил кто-то из бандитов, чтобы предупредить, сколько часов осталось. Когда зашел Завьялов, Оля подняла на него уставшие глаза, но сказать что-либо была не в силах. Второй день она голодная и совсем не спит. Голова у нее небрежно повисла вперёд, волосы упали на лицо.

За час до назначенного срока Завьялов опять набрал номер Максима и сказал, где они будут его ждать. Затем поднес телефон к уху Оли.

– Скажи ему что-нибудь.

Без лишних слов Оля назвала имя мужа:

– Максимка... Максюша...

– Оленька, родная, – всполошился тот, – с тобой все в порядке?

Услышав вопрос Шевцова, Завьялов вырвал у Оли из рук трубку и оборвал связь.

«Стрелка» Шевцова с бандитами состоялась возле углового дома № 1/34 – шестиэтажного, одноподъездного блочного здания с проходным подъездом и незакрытой дверью мусоропровода (улица неизвестна). Максим в сопровождении своего охранника Станислава приехал на полчаса раньше бандитов. Эти полчаса показались ему вечностью.

Валерка не особенно торопился. Закрыв со своей стороны дверку, расслабился, подтянул не нуждавшиеся в том штаны, поправил «ствол» и только после этого медленно двинулся к Шевцову. Закурил.

– Это кто? – бросил он недружелюбный взгляд на Станислава.

– Мой охранник, – ответил Максим.

– Трофей есть? – обратился Валерка к Стасу.

– Есть.

Гангстер загремел:

– Трофей – мне под ноги, а сам – руки вверх!

Станислав повиновался.

– Вот так, – обмяк Завьялов. – Слушай, пацан, мне не нужны твои бабки, у меня свои есть. Мне только надо, чтоб ты мне ежемесячно отстегивал, сколько скажу. согласишься – получишь назад свою жену. Ну, а нет, тогда извиняй.

Максим горько усмехнулся:

– Ты, гад, все рассчитал. Ты нарочно это...

– Ты согласен или нет?

– Я уже занят, – признался Максим. – Я Ворону плачу.

– Ворон – мой конкурент. Я уберу его с дороги, только ты соглашайся платить мне.

– А чем ты лучше Ворона? – недоверчиво спросил Стас.

– А ты не встрейвай, я не с тобой базарю, – коротко отсудил Валерка. – Ну, так что, согласен?

– Согласен, – беспомощно выговорил Максим, – куда от вас денешься. Батю моего за это самое убили, а я не хочу, чтоб и меня.

– Вот это разговор, это я понимаю, – одобрил Завьялов. И сказал кому-то по телефону:

– Колючий, приведи девчонку сюда.

Честов не вывел – он вытолкал Олю из машины и погнал, как скотину, к мужу. Увидев мужа, Оля не сдержалась:

– Максюша! – и рванулась изо всех сил из лап Лешки, побежала.

– Оленька! – крикнул парень, и жена упала ему в объятия.

4. Первые дела

Рязань

Завьялов приехал к Ваганову домой. С порога крепко его обнял.

– Рад, Юрка, я очень рад, что ты опять дома.

– Спасибо. Ну, и что ж ты придумал?

– А вот что. Есть у меня один приятель, Толян Смирнов, новый русский. Сейчас он в Москве, а хата его пустует. Я ему позвонил, он разрешил погудеть в его хате. Это тебе и не ресторан, и до десяти вечера вполне успеем.

– Мы вдвоем будем?

– Третьим Костю позовем. Ты не против?

– Костян! Я его десять лет не видел! Уже и забыл, как он выглядит!

– Скоро увидишь. Он тоже рад твоему возвращению. Привет тебе передавал.

– Взаимно. Предлагаю отметить мое совершеннолетие. Хоть и было это уже давно, но то было на зоне, а не в кругу семьи и друзей. А что за кент такой, Толян Смирнов?

– Не поверишь: пили вместе! Мой однокурсник два года назад отмечал двадцать пять лет – пригласил в гости. А Смирнов его родственник. Так мы познакомились, хорошо пообщались и как-то сдружились.

– Расскажи-ка мне, как ты сам в бандиты попал? Помню, ты в письме черкнул всего пару слов, я так и не понял, ты в натуре бандитом стал или пошутил?

– Нет, я не пошутил, я в натуре состою в бандитской группировке. С недавних пор ее главарь. Меня туда Андрюха Михневич привел.

– И чем ты там занимаешься?

– Когда чем, но преимущественно рэкетом.

– И как тебе, нравится?

– А тебе понравилось быть убийцей?

– У меня так получилось. Я не хотел.

– Ну да. И едва «вышку» не схлопотал. Ладно, об этом потом как-нибудь: больно долго. Тебе в лес можно?

– Можно. А зачем?

– «Ствол» проверить надо. Поедем, постреляем.

– На кой?

– Ты «вольну» в руках не держал, а я хочу, чтоб ты из нее одного человечка завалил. Для этого надо научиться шмалять.

– У тебя что, киллера нет?

– Мой мокрушник на время за границу уехал. Да ты не бойся, убийство будет выглядеть как заказное, никто не подкопается. Я тебе денег заплачу.

Через две недели Ваганов вышел на «дело». Директора комбината стройматериалов он подкараулил у подъезда дома. Мужчина как раз вернулся с работы и парковал свой транспорт. Апрельский вечер светел, изучить объект можно визуально и отлично. Убийца стоял на крыльце, и когда объект поравнялся с ним на ступеньках, Ваганов вдруг тормознул его:

– Извините, вы не подскажете, в какой квартире живет Паша Иванов?

Директор удивился:

– У нас, вроде, таких нет.

– Правда? Странно. Он меня сам же в гости и пригласил.

– Значит, или он что-то перепутал, или вы его не так поняли, – отговорился заказанный.

– Вы думаете? Тогда извините еще раз, может, в натуре рамсы попутаны...

Мужик двинул в подъезд, Ваганов – за ним. Выследил квартиру. Выждал минут двадцать и позвонил. Директор комбината открыл дверь, но никого не увидел, и ушел домой. Ваганов опять позвонил. На сей раз директор спустился на пролет ниже. Там, между этажами и стоял Ваганов, который сразу открыл по директору огонь. Стрелял в голову и в грудь. Окровавленный, тот рухнул на площадке между этажами. Ваганов спешно покинул подъезд, не привлекая к себе внимания.

Завьялов остался доволен работой.

– Вот видишь, Ваганыч, все получилось, а ты сомневался! Слушай, а ты ко мне не хочешь? Мне как раз бойцы нужны.

– Не, не пойду. Мне одному интересней. Не вижу я себя в команде.

– Ну и свинтус же ты, грандыёзус!

Год спустя.

Прошел год. В течение этого года поднадзорный Ваганов совершил еще два убийства. Кроме директора комбината стройматериалов он убил бомжа и свою подругу. На работу он так и не устроился, потому что судимого персонажа нигде брать не хотели, да он и не горел желанием. Зато начал выпивать. Стали появляться в его жизни и прекрасные барышни. Но ни с одной из них Ваганов не завел серьезных отношений: не получилось. Так, повстречался, поспал и разбежались. (В сексе Ваганов новичком не был. Первый раз у него случился еще в 18 лет на взрослой зоне с тамошним психологом. Она была старше Юрки в два раза, замужем. Сама положила его руку к себе на грудь, потом плавно сползла на коленку... Так было несколько раз). С одной очень сильно поспорился – настолько сильно, что даже убил ее. На его счастье, девушка была сиротой и сразу ее не хватились. Жила она одиноко в частном доме, доставшемся ей от родственников, рядом с лесом. В лесу ее и нашли, правда, не скоро, хорошо испорченную. Долгое время не могли опознать. Но удалось установить, что погибшая получила черепно-мозговую травму, после чего оставалась в живых еще около двух часов. Она выползла из дома – вероятно, искала помощь, но почему-то оказалась в лесу, где и скончалась. Сама ли она уползла в сторону леса или ее кто туда подбросил, теперь уже никто не скажет. Но если сама приползла, то это странно в лесу искать помощь. Не исключалось, что она стала жертвой маньяка, который бродил в Рязани и ее окрестностях. Установлено было, что причиной смерти явилась полученная травма головы. Значит, девушку убили. Но это мог сделать как рядовой убийца, так и маньяк, который наносил своим жертвам различные травмы по всему телу. Найти убийцу было трудно, в доме убитой никаких следов не нашли. Эксперты, однако, установили, что удар по голове был нанесен предметом, похожим на котелок.

Бомжа Ваганов убил летом: увидел у того деньги и хотел отобрать, но бомж не дал. Ваганов схватил арматуру и ударил бездомного по голове. Его убийцу даже не искали.

Убийство девушки случилось в декабре. А в марте исполнился год надзору над Вагановым. Получив полную свободу, он решил перебраться в Москву. Завьялов обещал помочь с жильем.

Перед отъездом Завьялов дал ему задание.

– В Москву поедешь через Коломну. Там живет мой одноклассник, сейчас он коллекционирует антиквариат. Мне есть что ему предложить, но самому мне съездить некогда. Мне сейчас пытаются объявить войну, я не могу этого допустить. И потом, мне Петька выпить предложит, в гости пригласит, а у меня нет ни времени, ни желания рассиживаться. Так что поедешь ты, тебе по пути будет. В Коломну доберешься автобусом, а в Коломне возьмешь такси и доедешь до Петьки. А из Коломны направишься в Москву чем хочешь. Я уже Петьке позвонил, все согласовал. Вот тебе его адрес и деньги на дорогу. Должно хватить. Тут все, все транспортные расходы. Если какие вопросы возникнут, спроси у Петьки. В Москве остановишься у

Толяна Смирнова, с ним тоже согласовано. А на днях подтянусь и я, тогда другая тема будет. Слушай, как Толяна найти...

*Москва, Печатники
весна 1995 года*

5. Таня Ольшевская

– Таня! Танюша! Я в больницу к дяде Леше, посиди, пожалуйста, с Антошкой!

– Конечно, тетя Лиля! С удовольствием! Я же от него без ума! – Таня взяла ребенка и крепко поцеловала. – Мы с ним на улице пойдем погуляем.

В мае Тане исполнится девятнадцать лет. Детей она любит с малых лет и готова проводить с ними свой каждый свободный день. Уже не первый год Таня значится «внештатной няней»: сидит со всеми дворовыми карапузами. Дети чувствуют Танину любовь и платят ей тем же. Они тянутся к ней, угощают сладостями и охотно остаются лучше даже с Таней, чем с мамой.

Антоша Комаров – мальчик из соседнего дома. Таня познакомилась с ним, когда он был совсем крохой, и мама катала его в коляске. Он рос у Тани на глазах и был ей как родной.

– Таня, привет! – послышался рядом голосок Таниной подружки Алеся. Алеся была на год старше, ей было уже двадцать, она была студенткой МГУ.

– Привет! Ты откуда?

– Со свидания! – засмеялась Алеся.

– О-о, подружка, вижу, делаешь успехи! Со свидания возвращаешься к обеду следующего дня. Молодец! Когда уже замуж выйдешь?

– Не спрашивай, – Алеся махнула рукой. – Это мой больной вопрос. Не зовет, поганец.

– Ему сколько лет?

– Двадцать шесть. Он говорит, что еще не нагулялся.

– А, ну это может быть вполне.

– А я семью хочу, детей! – капризно сказала Алеся.

– Понимаю. Я тоже. Я теперь жалею, что бросила Сашку. Хоть какой-никакой, но был кавалер, а теперь вот только дети чужие и остались.

– Так возьми ему позвони.

– Не, я так не делаю. Если ухожу, то навсегда. Тем более он меня крепко обманул. Такого обмана я простить не могу. Это выше моих сил.

Таня поправила Антону выехавшую рубашку.

– Не скучно тебе одной? – спросила Алеся.

– Да разве ж я одна? У меня видишь, какой бутуз!

– Тань, ты не сердись, конечно, но скажи: ты никогда не обращала внимания на брата Антона?

– Ты имеешь в виду Артема? Нет, а что?

– По-моему, ты ему нравишься.

– Зато он мне не нравится. Артем не в моем вкусе. Но так с виду симпатичный...

– Ты присмотришься к нему получше...

Таня Ольшевская была москвичкой, жила с мамой и двумя братьями в Печатниках. Училась в педучилище на воспитателя детского сада. Парень Саша был ее бойфрендом, с которым они встречались около года. Таня бросила парня, когда узнала, что он женат.

Один из двух братьев Тане не родной: его мать Тани усыновила много лет назад, еще когда семья Ольшевских была полной и включала в себя отца семейства. Она взяла к себе на воспитание сына своей двоюродной сестры, которая сгорела на пожаре. Сережа Левашов был Ольшевским родственником. Сейчас мама Тани, Светлана Васильевна Ольшевская, с мужем в разводе, потому что муж, отец Тани Виталий Валентинович Ольшевский, давным-давно ушел к другой женщине, бросив еще маленьких Таню и Диму. Дети тогда еще в силу возраста не могли осознать, какая трагедия произошла в семье, но потом, когда выросли, Дима так и не смог простить отца. Светлана Васильевна после развода прекратила общение с бывшим мужем, а спустя годы от кого-то узнала, что в другой семье ее Виталий нажил себе другого ребенка.

После такой новости любовь Светланы Васильевны к приемному сыну Сергею еще больше окрепла.

Дима Ольшевский и Сергей Левашов были одного возраста, старше Тани на пять лет. Занимались самодеятельностью, а именно музыкой с соседскими парнями, имели свою дворовую группу. Никто из братьев не был женат, только Сергей служил в армии. О том, что Сергей приемный, Дима с Таней знали, но никто из них никогда об этом ему не вспомнил, ни разу не упрекнул. Учился он хорошо, школу окончил на серебряную медаль. Вырос нормальным парнем, не пьющим, не курящим, законопослушным. После развода с матерью отца дети Ольшевские больше никогда не видели. Светлана Васильевна одна подняла на ноги троих детей, которые выросли порядочными людьми.

Конец первой части

Часть вторая Рецидивист

Будь острожен в дружбе
с имеющим власть лишать жизни.

*А. Бек, «Волоколамское шоссе»,
из Библии*

Любовь каждому рожденному дадена.

В. Маяковский

1. Душегуб

Ваганов автобусом добрался на автовокзал Коломны. Но такси брать не стал, а предпочел частного извозчика. Расчет обещал по прибытии на место. До указанного адреса ехать было минут семь.

Только платить Ваганов почему-то не захотел. Путь пролегал через гаражный кооператив. Когда въехали в гаражи, Ваганов схватил шофера за шею и крепко сдавил. Тот попытался разжать руки душителя и освободиться, но удалось только ослабить хватку убийцы. Ваганов врезал водиле по лицу, чтоб отвлечь его внимание, а сам развязал шнурок и набросил жертве на шею удавку. Жертва захрипела. Ваганов напрягся изо всех сил, даже побагровел. Наконец извозчик безжизненно поник. Ваганов оглянулся по сторонам: на улице – белый день, но вокруг них – никого. Выходит, никто не видел того, что происходило в машине, место глухое. Юрка вылез из машины и побрел навстречу людям. До конца ведь он не доехал, а дороги-то не знал и надо было спросить маршрут.

– Идите по прямой до первого светофора, потом свернете налево – там и будет ваша улица, – ответили ему.

Ваганов нашел адрес, отдал товар и поспешил откланяться. Назад пошел пешком. Дорогой обратил внимание, что труп в машине пока никто не обнаружил.

Автобусы на Москву ходили каждый час, но Ваганов попал в большой промежуток, когда интервал движения составлял больше двух часов – именно столько было до следующего автобуса. Это время следовало где-то провести, желательно с пользой. Девушка бы пошла по магазинам, но Ваганов был не девушка. Он решил поехать по городу, посмотреть на Коломну, при этом твердо помня о времени и о том, чтоб не заблудиться. Он сел в первый же автобус и скоро подъехал к кинотеатру. «А что, это мысль», – подумал Ваганов и отправился на дневной сеанс в кино.

Назад на автовокзал вернулся за десять минут до автобуса. К тому времени уже был обнаружен труп и велись поиски убийцы. След, который взяла собака, обрывался на автовокзале. Значит, убийца куда-то уехал. А он направился в столицу и уже покинул маленький город. Меньше чем через два часа он был уже в Москве.

На бумажке нашел номер Смирнова, позвонил, представился, что от Валерки. Нашел его просто – Толик снимал квартиру на Каширском шоссе, куда выводят две станции метро; подземкой Ваганов и поехал. Жилой район назывался Нагатино-Садовники. Дверь Ваганову открыл длинного роста, долговязый парень в малиновом пиджаке и золотой цепью на шее, на руке были большие золотые часы. На голове – имиджевая стрижка по моде. Шел ему тридцать второй год. За то, что Толик жил на очень широкую ногу и имел один вставной зуб, друзья шуточно называли его «золотым зубом». Малиновый пиджак и золото очень импонировали Смирнову: он хоть и носил стрижку, но оставил рыжий ежик, который выразительно подчеркивал зеленые глаза.

Первый раз он женился в двадцать два года. К двадцати шести уже с двумя женами развёлся. Женам только деньги нужны были, а Толику хотелось, чтобы его любили. Третья сама от него ушла, когда оделась, нарядилась и стала еще красивей, чем была. В двадцать девять Смирнов побывал в Италии и там встретил Луизу. Позже женился на ней и прожил с ней дольше всех – полтора года. Они недавно только развелись по причине того, что надоели друг другу. Потом Луиза нашла себе Рафаэля. Вторая жена и сейчас ему покоя не давала.

– Я сообщил Завьялову, – сказал Смирнов. – Завтра он приедет на пару дней. Ну, что, за знакомство? По разминочному рюмашу, ты не против?

Ваганов не отказался.

2. Шевцов

Завьялов приехал не один – с ним было еще трое парней, один из которых кавказец.

Валерка был высокий, симпатичный шатен с голубыми глазами, двадцати восьми лет. Обладал прекрасным чувством юмора и умел вписаться в любую ситуацию. Часто бывал веселым, но при этом часто жесток. Его авторитет лидера держался на личностных качествах. Следом за ним следовал Константин Башков, одетый, как и Завьялов, в черное. Обыкновенной внешности, русоволосый, Константин был не по годам непростительно доверчив – «лоховатый». Башков, Завьялов и Ваганов образовывали троицу очень крепких друзей. Это, однако, не мешало Юре и Валере считать Костю «лохом», что для последнего было совсем некстати. Однажды он чуть не стал жертвой лохотронщиков, но вовремя одумался. Башков занимался тем, что работал продавцом на рынке. Работал на себя, ездил за товаром, поэтому считался предпринимателем. В Москве бывал постоянно, имел даже точку на Охотном ряду, так что столицу знал хорошо. Ему было двадцать семь лет.

В машине сидели еще двое. Кавказец был Зурват Асланович Бесланбеков, родом из Северной Осетии, коммерсант. Двадцати двух лет, среднего роста, смуглый, черноволосый с карими глазами. Родным языком Зурвата был осетинский; по-русски он общался плохо и с характерным акцентом. Воспитывался он в семье большой и фанатично верующей, что у мусульман в крови. С малых лет посещал мечеть, а подростком совершил хадж в Мекку. Женат не был. Кроме Зурвата в семье еще был старший брат Салават и младший Заурбек и сестра Патимат. Русский же был совсем юный хлопчик, невысокий с покладистыми глазами и румяным лицом. Это был Максим Михайлович Шевцов – тот самый паренек, отца которого убили люди Завьялова и которого Валерка «крышевал». Ему было двадцать один.

Шевцов Ваганову почему-то сразу не понравился. Он подал парню руку, но с презрением и отвращением, у него даже улыбка сошла с лица. Максим этого не заметил.

– Жить будешь у него, – шепнул Завьялов.

– Не понял...

– Скоро поймешь. И я, и ты, и Костян – все будем под одной крышей.

У Ваганова, Завьялова, Башкова и Смирнова был свой особенный знак – «знак Козы», служивший у них и приветствием, и прощанием, и согласием. Делался просто – стандартные «рожки» из двух пальцев. Шевцов и Бесланбеков такого знака не знали.

– Это что за чурка? – спросил Ваганов.

– Приятель Шевцова, – Завьялов сделал «козу». – На пару слов отойдем в сторонку.

Ваганов и Завьялов стали под дерево. Закурили.

– Мне вчера Петюня отзвонил, сказал, что у них в Коломне таксиста убили. Нелегала, но суть не в этом. Я что подумал... это не ты сделал? Убийство произошло как раз тогда, когда ты был в Коломне.

– Почему сразу я? – Ваганов обиделся.

– Потому что я хорошо тебя знаю. Ты мог на такое пойти. Не пойму только, зачем. Япона мать, или ты совсем дебилоид? У тебя ж деньги были, что ж ты не заплатил? Деньги не твои, а мои, плати сколько надо, не жалей.

– Уже поздно платить, – сказал Ваганов.

– Значит, это все-таки ты?

Ваганов помялся.

– Ну, я. Устраивает это тебя?

– Ты конченный псих. Расстрел по тебе плачет.

– Не дожدهшься! – огрызнулся Ваганов.

– Ладно, пошли в машину.

– Куда мы едем? – спросил Ваганов, садясь.

Приехали на Охотный ряд и остановились возле трехэтажного здания в стиле модерн под названием «Континенталь-авиа».

– Моя работа, – сказал Шевцов. – Моя фирма. Мой офис на третьем этаже.

Ваганов ничего не ответил. Шевцов с Бесланбековым его вообще не заинтересовали.

– А за жильем пожалуйста на Сретенский бульвар, – продолжал Максим, давя педали.

Они подъехали быстро. Машина остановилась, и из нее вышел только Бесланбеков.

– Завьялыч, как тебе это удалось? – спросил Башков. – Ты же его рэкетнул, а он тебе жилье халявное предлагает.

– Уметь надо! – гордо ответил Валерка.

Шевцов привел всех в шестиэтажное здание евростандарта снаружи и изнутри, холл в котором был выложен кафелем, потолок был зеркальный, лестницы с перилами из желтого металла, а на стенах были высечены разноцветные узоры из полосок, зигзагов, точек и кружков. Сам Максим побежал вверх по лестнице. Завьялов с Вагановым оглянулись по сторонам и нашли, где присесть.

– Это что такое? – расспрашивал Ваганов.

– Это общага шевцовская. Он тебе фирму показывал, помнишь? Так вот к той фирме вот это жилье прилагается. Построено на частные средства его батяней. Общага предназначена для сотрудников фирмы, но чего не сделаешь для друзей...

Ваганов подскочил:

– Ты и этот фраер – кореша?!

– Много ты понимаешь! Я тебе жилье халявное пробил, тебе не все ли равно, чье оно и откуда?

Наконец Максим спустился и дал команду всем идти за ним.

Комнаты в общежитии Максима есть одиночные, рассчитанные на одного человека или супругов без детей, и семейные – для семьи или мамы с детьми. Семейные напоминали гостиничный номер «люкс», когда в одной комнате совмещаются две. Все они обставлены фирменной мебелью, в каждой имеется телевизор, стол, диван и шкаф; на окнах висят жалюзи, на стенах и на полу – дорогие ковры. Коридоры были неширокие, но на каждом располагалось несколько санузлов. Вместо кухни на шестом этаже, незаселенном, находилась просторная столовая, там же разместились буфет и кафетерий. Первый этаж тоже был не жилым: там были отведены места для вахты, гардероба, бухгалтерии и завхоза. На каждом этаже располагались инженеры по технике безопасности и персонал, следивший за порядком на этаже. В холле висел список Правил внутреннего распорядка. Правила полгались соблюдать всем в строгости и точности. Нарушители правил подвергались различному наказанию вплоть до выселения.

Комнатки были уютные и свежие – за чистотой здесь тоже зорко следили. Но Ваганову его комната не понравилась. Он сравнил, что это будто с одной кичи на другую.

– Да, браток, – подначил Завьялов, – тесноватые нам хоромки достались. Но уж чем богаты, тем и рады.

– И что, это жилье бесплатное? – не верил Ваганов.

– Совершенно. По всем вопросам проживания обращайтесь напрямую ко мне, – убеждал Максим. – Но правила советую почитать. Слишком шумных и буйных долго не держу. Питание трехразовое в столовой. Время указано конкретное. Опоздывать не рекомендую, так как опоздавший покупает еду самостоятельно и платит за это отдельно. В столовой бери задаром все, что хочешь.

– У тебя здесь все так халявно живут? – обеспокоился Башков.

– Нет, только друзья. Работники платят за жилье как за коммуналку. Еще вопросы есть? Нет? Тогда я пошёл, а вы устраивайтесь.

«У него с головой не в порядке», – догадался Ваганов.

3. Девушка

Ваганов не спеша шагал вдоль Олимпийского проспекта и смачно дымил сигаретой, затем свернул на Садовое кольцо. Там и увидел невысокую белокурую девушку. Она шла ровным шагом, одиноко и неспешно, как будто чуть грустная или задумчивая. Она была стройная с яркими синими глазами, с хорошеньким личиком, лет двадцати, не больше. Ее золотистые волнистые волосы были собраны на макушке в оригинальный хвост. На нежном почти детском личике вовсе не было косметики. Одетая девушка была в блестящий юбочный костюм, в капроновые колготки телесного цвета, прекрасно украшавшие ее словно выточенные ножки, обутые в модные туфли на каблучках. У Ваганова при виде нее аж слюнки потекли; рот у него произвольно открылся и округлился. Застоявшийся в тюремном стойле великовозрастный жеребец мимо такой крали пройти не смог. Он не сдержался и любезно окликнул ее.

Но она не обернулась.

– Девушка-а! – повторил навязавшийся уголовник.

Она, наконец, обратила внимание.

– У вас колготка порвалась, вон там, – Ваганов показывал пальцем, где.

Барышня вздрогнула:

– Где?

– А вон... Или нет? Значит, мне показалось. Ну, такое тоже бывает. Девушка, хорошая, не подскажите, в какой стороне проспект Шмидта?

– Ой, это вы не туда идете... Вам совсем в другую сторону.

– Вы меня не проводите? Буду очень признателен.

Барышня подняла на Ваганова глаза и тут же отвела их в сторону. Ваганов ей понравился. Он был весьма хорош собою, даже красив, высокий, темноволосый, с карими глазами, прекрасно сложен. Стройный, одет опрятно и ухоженно. Его красивой внешности и обаяния нельзя было не заметить. На вид ему было не больше двадцати пяти. Она захотела познакомиться, но в то же время стеснялась. Перед ней стоял настоящий сердцеед! Только одно портило эту красоту: наколки. Синие метки, местами украшавшие его тело, в том числе и руки, чести ему не делали.

– Пожалуй, не стоит, – неохотно отказалась спутница. – Я занята.

– Не важно. Давайте просто так поговорим, я не люблю молчать в дороге. Меня Юра зовут, а вас?

– Таня, – вежливо ответила девушка.

– Будем знакомы. Нам с тобой по пути?

– Увы, нет. Проспект Шмидта в другом конце Москвы.

– Да черт с ним, с проспектом и со Шмидтом. Составь мне компанию. Дай до дома проводить. Погода хорошая.

– Да, хорошая. И я решила пройтись.

– Вот и славно. А я просто мимо шел. И подумал, почему бы не составить компанию.

Но едва его грубая ручища прикоснулась к ее нежной ладошке, Таня ощутила во всей своей плоти что-то неприятное. Она вся поёжилась и выдернула руку.

– Не надо этого. Пожалуйста.

Ваганов начал раздражаться. Ему захотелось громко крикнуть: «Ах вот мы какие нежные!» Но сказал он другое.

– Смотрю я, ты идешь такая одинокая, грустная, но чертовски хорошенькая! Я и подумал... А еще говорят: Франция, Париж, женщины! Все туфта! Россия, Москва, девушки! Я даже не думал, что у нас есть такие красавицы! – Ваганов суетился возле Тани, мысленно уже ее

раздев. - И почему такую красавицу никто не проводил - во всей Москве не нашлось джентльменов?

- Ты москвич?

- А что, тебе непременно москвич нужен? Нет, я не москвич, я «жигуль»! - Он засмеялся.

- Нет, я из провинции. Из Рязани.

- Что в Москве делаешь - не спрашиваю, и так понятно. В Москву все лезут, будто она резиновая.

- Неправда. Меня приятель в гости пригласил, выделил мне комнату в собственном общежитии. Я пока у вас гость, но как дальше пойдет, там посмотрим. Ты чем вообще занимаешься?

- Вообще - учусь на воспитателя детского сада. Очень люблю маленьких детей. Тебе сколько лет?

- Двадцать пять. А тебе? - пардон за неудобный вопрос.

- Девятнадцать.

- Хорошая разница! Удобная.

- А тебе что до этой разницы, если я с тобой вместе не буду?

Он аж подскочил:

- Как так не будешь?

- Обыкновенно: я же занята.

- Ничего ты не занята! - отрезал он. - Я тебя за руку взял, так ты задрожала вся. Как будто тебя никогда за руки не брали.

- Ты на свои руки посмотри, кавалер! - смело выкрикнула Таня.

Ваганов осекся: он все понял.

- Ну, да... это неприятность такая была в моей жизни. Что ж поделать, все ошибаются.

- Да. Ошибаются все, но не все бывают в тюрьме.

- А пусть не зарекаются. От сумы и от тюрьмы, как известно...

- Ты был женат?

- Никогда.

- С кем живешь?

- Вообще с матерью. Но есть старшая сестра.

- А папа?

- Папа мой в Америку улетел три года назад. Искал себе лучшей жизни, очень туда рвался. Ну, и скатертью дорога.

- Как же он улетел, и семью бросил?

- Да, семьи уже давно не было. Предки жили каждый своей жизнью, только что не в разводе. А теперь попробуй с ним разведись, где его в той Америке искать.

- Мой вот тоже семью бросил, мы с братом еще маленькие были. Однажды не пришел домой ночевать, так и загулял. Не, мои в разводе.

...Бандит и сам не заметил, как проводил девушку до остановки. Но расставаться с ней не захотел и стал напрашиваться:

- Я с тобой поеду, можно?

- Имей в виду: я наглых не люблю, - отстраненно ответила Таня.

- А так - полюбишь? - Юрец не удержался и поцеловал Таню. При этом рукой стиснул ее грудь. Как ни странно, но вырваться Таня не стала.

Ваганов проводил Таню до дома и назначил ей новое свидание. Как ни странно, но она пришла. С того дня молодые люди стали встречаться.

4. Преступная душа

Свой тридцать второй день рождения Смирнов решил отметить в кругу новых друзей в ресторане «Таверна», что в самом центре Москвы в километре от Кремля. Приглашены были только Завьялов, Башков и Ваганов. Юрка предупредил, что подъедет позже: ему надо было встретиться с одним человеком. Про Таню он еще никому не сказал, да и не в ней было дело. На самом деле Ваганов замыслил обокрасть Смирнова, для чего ему надо было отсутствие Толика дома. Его поход в ресторан был очень кстати, а поэтому Ваганов готовился пойти на дело.

Когда он останавливался у Смирнова на пару дней, то на всякий случай сделал себе дубликат его ключей. Тогда Ваганов еще не думал о краже. Мысль обокрасть нового русского пришла к нему внезапно.

Но вор успел хорошо подготовиться. Он все продумал, чтобы не наследить. Он натянул рукавицы и спокойно открыл квартиру. Разулся и с порога приступил к обыску. За два дня ему удалось кое-что разузнать, подслушав разговоры Смирнова и исподтишка понаблюдав за ним. И имел представление, где у Толика деньги лежат. Вовсе не в банке, как должно быть, а они были точно разложены по всей квартире. В прошлый раз Юрка даже наткнулся на них в кухонном шкафчике, но брать не стал. Сегодня денег в том шкафчике уже не было. Ваганов старательно облазил всю кухню, даже балкон, переместился в комнаты, перерыл ящики и полки, даже искал в батарее отопления. Нашел старый потрёпанный кошелек, в котором лежало немного денег, в вазе и в сервизе лежали ещё деньги. Для нового русского Смирнов хранил деньги беспечно. Впрочем, это были деньги, необходимые здесь и сейчас, сегодня и завтра. Естественно, не все богатство Смирнова. За картиной Ваганов нашёл сейф, но влезть туда не смог, потому что не знал кода. Вскрыть его сейчас же не представлялось возможным. Тогда Ваганов начал искать в диване. И нашел в углу связанные в трубочку доллары. Не мешкая, он сию же секунду сунул находку себе в карман. Больше в диване ничего не было. Ваганов пересчитал награбленное. Для Смирнова это была не бог весть какая сумма, а для Ваганова – в самый раз. Беднее Смирнов не станет, а вот Ваганов богаче делается.

Деньги были в долларах и рублях – Ваганов забрал все. Но сейф не давал ему покоя. Хотя квартира съемная, может, Смирнов там деньги и не держит. Может, сейф хозяйский, а квартиранту им пользоваться нельзя – такое бывает. Потом, есть еще Рязань. Там наверняка тоже должны деньги где-то храниться. Всего не награбишь, утешал себя вор. Спрятав награбленное, он поспешил в ресторан, ведь дело близится к ночи, кореша уже, наверно, пьяные в стельку. Ваганов вышел осторожно, ежеминутно оглядываясь.

Он прибыл под разбор шапок. Друзей нашел быстро. Они уже все дошли до нужной кондиции. Завьялов нес всякую чушь о том, как работает его команда, хотел даже поделиться планами на ближайшее будущее, но Башков заткнул ему рот закуской. Смирнов напряженно наблюдал за столиком напротив. Там сидели мужчина и девушка, они ругались. Толик подошел и сделал мужчине замечание. Он ответил что-то вроде «не лезь не в свое дело». Смирнов вмешался в конфликт и еще раз повторил, чтобы он не обижал девушку. Мужчина встал и замахнулся на Толика. Толик мгновенно среагировал и замахнулся в ответ. Противник отвел его руку. Башков подскочил разнять их, пока не подрались. Оттащил Смирнова, но Толик вырвался и схватил со стола нож. Ничего им не делал, просто рассматривал. Косым взглядом обвел всех вокруг. Подоспела охрана.

– Мы уже уходим, – подбежал Завьялов. – Ментов не надо. Это он перепил. Вызывай такси, – сказал Ваганову.

– Он всегда так пьет? – спросил охранник.

– Нет, он редко напивается.

– Редко, но метко. За что пили?

– У него день рожденья сегодня.

Поддерживая Смирнова, Завьялов повел его на выход. Пьяный Смирнов буянил недолго, а потом его сражал мертвецкий сон. Когда его засовывали на заднее сиденье такси, он уже крепко спал.

– Куда его, в общагу? – спросил Башков и своим вопросом всех запутал.

– Куда ж еще. Приедем, найдем свободную комнату и оставим там ночевать. Думаю, Шевцов не будет возражать. На одну-то ночь...

По пьяной лавочке у всех дружно вылетело из головы, что у Смирнова есть отдельная квартира. Никто об этом не вспомнил.

– У нас места всем хватит или кому-то придётся идти пешком? – обеспокоился таксист.

– Не, не, уместимся, – бодро ответил Башков. – Ты, Валек, сядешь вперед, мы с Юриком сзади, а Толяна посадим посреди нас. Скажите, – обратился он к таксисту, – ваша служба не может прислать ребят машину на стоянку отвезти? Я ключ дам.

– А я не согласен! – возмутился из темноты Завьялов. – Я никому не доверяю! Вдруг у меня в бардачке ценный веник?

– У нас нет такой услуги, – ответил таксист.

Уже в такси Завьялов вспомнил:

– Ёкарный бабай, мы же его не туда везем! У него же на Каширке есть хаза...

– Умница, Завьялов, трезвеешь! – оценил Башков. – Так что, на Каширку поворачиваем?

– Ай, не поедем мы так далеко. Сретенский ближе.

...Когда подъехали к общежитию, Завьялов вылез из машины первым, за ним Башков, и вдвоём они стали тянуть Смирнова наружу. Ваганов толкал Толика со своей стороны. Толик замычал, но не проснулся. Глядя за тем, как друзья выгружают пьяного Смирнова, таксист только смеялся. Он давно таксовал, но такой цирк видел впервые. Трое волокли одного, причем третьему волокущему держать уже было нечего.

В холле общежития Башков пошел узнавать про свободную комнату, а Завьялов побежал рассчитывать с таксистом. Со Смирновым остался Ваганов. Он положил руку Смирнова себе на шею. Когда Башков не видел, он отвернул край малинового пиджака и вытащил оттуда деньги – несколько тысяч в рублях. То, что ему было нужно.

– Сколько мы должны? – прыгал Завьялов около таксиста. – А, ладно, вот тебе без сдачи – забирай усе, я себе еще нарисую. Теперь усё, ты нас не видел.

5. Привет с большого бодуна

Смирнов проснулся после вчерашней попойки. Голова раскалывалась. Толик даже встать не решился. Огляделся по сторонам и ничего не понял. Позвонил Завьялову.

– Где это я? Что я тут делаю?

– Мы сейчас к тебе придем, – коротко ответил Валерка.

Они нагрянули с Башковым вместе. Валерка первый сунул свою милovidную физиономию в комнату.

– Доброе утро, Толянчик! Как спалось?

Смирнов посмотрел на гангстера растерянно.

– Что, квартира не нравится? Да уж, хоромки не царские и даже не новорусские, это верняк.

– Как я тут очутился?

– Так это... мы бухие были в валенок, а по пьяни забыли, что у тебя отдельная хата есть и привезли тебя сюда. По привычке.

– Мужики, я вчера сильно пьяный был?

– Да как тебе сказать... – Завьялов с Башковым переглянулись. – Был ты пьяный, да, Толян. К какому-то мужику привязался, ругаться с ним хотел, чуть не подрались, нас чуть мусора не замели. Ты разве ничего не помнишь?

– Очень смутно. Помню, как меня Юрик поддерживал. А где – не помню.

– Это, наверно, когда мы тебя сюда привели, – догадался Башков. – Был момент, вы с Юркой одни остались.

– Валера, сколько ты вчера заплатил? Сколько я тебе должен? – Смирнов сунул руку под пиджак.

– Ты мне ничего не должен.

– Ты же рассчитывался с официантом. Сколько ты выложил?

– Не помню.

– Костя, сколько? – обратился Толик к Башкову.

– Я не знаю. Валерка платил.

– Черт, где же деньги? Неужели посеял?

– Что пропало? – хором спросили друзья.

– Да бабки у меня в кармане были. Я брал на ресторан. Точно помню, что во внутренний карман положил – я еще трезвый тогда был, но не нахожу. Где я мог их выронить?

– Хороший вопрос! Ты вообще-то с нами вчера весь вечер был, никуда не отходил. Может, здесь где выронил?

– Да я только проснулся.

– Много денег было?

– Для меня – немного. Чтобы за нас за всех в ресторане заплатить. Но если вы говорите, что я все время с вами был, значит, их сперли? Я ничего не помню, только Ваганова помню.

– Это называется заполоскасть бухаря! – воскликнул Завьялов.

– Не говори ты! – согласился Толик. – Казачнули фраера.

– А на хате деньги есть? – спросил Башков.

– Здесь? На Каширке? Да.

– Значит, не все потеряно.

– Слушайте, а Ваганов же приехал позже, да? Он же был на какой-то «стрелке»... – начал рассуждать Толик.

– Ну да. Он приехал, когда мы уже собирались уходить. А что?

– И он оставался со мной наедине?

– Было разок. Толян, куда ты клонишь? – спросили хором друзья.

– Да так. Может, это Ваганов ко мне в карман залез? Он мог это сделать, как вы считаете?

– Если по-честному, – признался Завьялов, – вполне мог.

У Смирнова зазвонила трубка. Он ответил.

– Здравствуйте, Тамара Игнатьевна! Что, что вы сказали? Что пропало? У меня или у вас? Не знаю. Подождите, в милицию пока не звоните, я скоро приеду. Вы, главное, дождитесь меня.

– Что случилось? – спросили друзья опять хором.

– Хозяйка моя позвонила. Сказала, только приехала, переступила порог и обомлела: нас обокрали! Вся квартира в беспорядке. Но она не знает, чьи вещи украла, ее или мои. Я выезжаю. Где моя тачка?

– Твой «мерин» остался на стоянке «Таверны». Я свой попросил отогнать, Валек отказался, а тебя и не спрашивали.

– Чёрт! Япона мать, как же быть?

– Поехали все со мной, – предложил Башков. – Я один на «колесах», сейчас домчу вас до «Таверны», а вы там разберёте ваши тачки.

Так и сделали. Машины Смирнова и Завьялова продолжали стоять на стоянке ресторана, друзья быстренько по ним расселись и рванули следом за Смирновым, на Каширское шоссе.

6. Преступник уличен

Картина их глазам предстала страшная. По квартире основательно прошлись воры. Все ящики и шкафы были перевернуты, содержимое выброшено наружу, книги растрепаны, диван был разложен. Хозяйка с квартирантом бросились проверять деньги и ценности.

Всех ценностей было – одна серебряная цепочка хозяйки и золотой кулон, они лежали на месте. Вещи тоже похищены не были. Денег в этой квартире Тамара Игнатьевна не держала. Деньги ринулся искать квартирант.

– Мои ценности так и лежат в шкатулке, где и лежали. Не за золотом они приходили, – сказала хозяйка. – Ничего не тронуту, значит, приходили только за деньгами.

– Да, – согласился Смирнов – диван разложен, а там сбоку у меня была связка денег на черный день. Нашли. Или знали.

– Или навели. Определенно, здесь замешан кто-то свой.

– Вы думаете? – вспыхнул Смирнов.

– Если была наводка, то не исключено. Будешь милицию вызывать?

– А вы?

– Толя, у меня ничего не пропало, деньги я все отсюда унесла. Так что решать тебе.

– Но квартира-то ваша... Сейф, – увидел, наконец, Смирнов. – В сейф хотели залезть, да кода не знают. А выламывать, наверно, времени не было.

– У тебя там что-то есть? Я в сейфе ничего не держу, – сказала хозяйка.

– Я тоже кода не знаю. Вы где-то писали, а я потерял.

– Ну что, Толян, все бабки умыкнули? – спросили друзья.

– Отсюда – все. Есть еще некоторая сумма на счете в банке, придется снимать. Тамара Игнатьевна, вы за деньгами приехали? Я вам должен за месяц, но вам придется подождать теперь, пока я в банк съезжу.

– Я могу и до завтра подождать.

– Будем в органы обращаться?

– Ты – как хочешь, а я бы не стала. Раз кроме денег ничего не пропало, то пусть они подавятся. Милиция наша все равно никого не находит, а вопросов появится очень много.

– Я тоже не хочу, если честно. Я все-таки новый русский, мне не по правилам к ментам идти. Вы думаете, воров было несколько?

– А ты думаешь, это один вор проделал?

– Тамара Игнатьевна, я пойду с друзьями в машине посижу. У меня к ним разговор.

– Хорошо, а я уберусь тут.

Смирнов, Завьялов и Башков спустились во двор. Сели в машину. Закурили.

– Что думаешь, Толян? – спросил Валерка.

– Подозреваю, что это мог быть Ваганов.

– Поясни.

– Ко мне никогда не лазили воры – сколько лет уже снимаю эту квартиру. Вчера утром был полный порядок, а за вечер здесь кто-то побывал. Вор явно знал, что меня не будет дома. А кто мог это знать? Кто-то свой. Либо наводчик, либо сам исполнитель. Ваганов не поехал с нами в ресторан, вполне вероятно, что он мог здесь побывать. Он знал, куда лез, кроме денег, ничего не взял. Все на месте: золотые украшения, техника, мебель. А в диван он залез. Кто-то явно знал, что я в нем деньги храню. Откуда он мог знать про этот тайник? Ваганов останавливался у меня на два дня, он имел доступ в эту квартиру, только не знаю, как он сюда вошёл. Если это Ваганов, то следов он мог и не оставить. Он же был судим за кражу?

– Да. За ряд краж и двойное убийство, – подтвердил Башков.

– Вор знал, куда шел. Шёл он ко мне, а не к хозяйке, – понял Смирнов. – Шел с конкретной целью. Вот что: сегодня у меня деньги пропали, а вчера мы с ним остались наедине и я ничего не соображал; вы же сказали, что я все время был с вами и никуда не уходил. Он мог залезть ко мне в пиджак? Вполне. Надо проследить, есть ли у Ваганова деньги. Не разбогател ли он часом?

– Ты намерен ему что-то предъявить? – уточнил Завьялов.

– Да пока ничего. Доказать я ничего не могу, одни предположения. Дай бог, чтобы я в них ошибался. Не хочется думать, что среди нас завелась «крыса».

– Эта «крыса» с тюремным прошлым, между прочим! – заметил Башков.

– Ворует он мало. Ему больше по душе убивать, – встал на защиту Завьялов.

– Мужики, вы пока Ваганову ничего не говорите. Ни про кражу, ни про мои подозрения. Я ему сам скажу, когда удобный случай представится.

Толик вернулся в квартиру и помог убраться Тамаре Игнатьевне. Ближайшую ночь в квартире провела хозяйка, Смирнов поехал назад в общежитие.

7. Словесная разборка

Вечером к нему зашли Шевцов с Бесланбековым.

– Я слышал, что у тебя случилось, слухи-то по общаге ходят, – начал Максим. – И я пришел тебе сказать, что если тебе станет негде жить, ты можешь оставаться здесь сколько угодно.

В дверь постучали. Открывать пошел Зурват. И расплылся в улыбке:

– Здравствуйте!

На пороге стояли Ваганов и Таня.

– Таня, – сказал Ваганов, – познакомься: это Зурват Бесланбеков, мой знакомый с Кавказа.

– Здравствуйте, – сказала Таня.

– Мне очень приятно, о прелестная мадам! Милости просим, проходите, – пригласил черноглазый осетин, посыпав такую акцентированную речь, что Таня оробела еще больше. Зурват наклонился поцеловать Тане руку. Ваганов его сурово одёрнул.

– Полегче, Зурват! – сердито и ревниво прикрикнул он.

Ваганов провел Таню в комнату.

– Ребята, разрешите представить: моя девушка Таня. Таня, это мои приятели, Толик Смирнов и максим Шевцов. Сейчас еще Костя с Валеркой подтянутся.

Таня окинула взглядом ширину комнаты, Смирнова, Шевцова, Бесланбекова, и ей стало как-то не по себе. Но тут ввалились еще двое. Этих гостей Ваганов представил как своих лучших друзей.

– Салют! – друзья изобразили свой привычный «знак Козы».

– Добро пожаловать, красавица! – миролюбиво воскликнул Смирнов и уступил Тане свое место. – Садись, пожалуйста.

Комната у Толика была тесная. Лишних мест там и правда не было.

Таня робко опустилась на диван и забилась в самый угол, точно загнанный в клетку зверек. Башков протянул ей свою руку.

– Я Костя, к вашим услугам. Ты будь смелее, мы тебя не тронем.

Таня ответила ему нежным рукопожатием. Теперь самым чужим оставался только Завьялов. Но он упорно молчал, не двигался, однако Таня заметила у него торчащий из-за пояса пистолет и побледнела на глазах у всех ребят. Бандит заметил растерянность девушки, ее бледность, оглядел себя и догадался о причине ее состояния. Тихонько и беспардонно он подвинул оружие дальше под полу пиджака, снял очки и приветливо улыбнулся гостье:

– Эта штука, милочка, разрешена мне в целях личной безопасности. Так надо.

– Таня, – сказал вдруг Бесланбеков, – у тебя волосы длинные... Наверно, красивые. Можно тебя попросить распустить их?

– Пожалуйста, – ответила Таня, сняла заколку и положила рядом с собой. По ее плечам тут же рассыпались белокурые волосы. Зурват наклонился дотронуться до них, а сам по тихому хитро и осторожно приблизился к заколке и стал на нее коленом, будто случайно. Заколка с хрустом треснула. Бесланбеков не растерялся.

– Ой, – сказал он притворно сочувственно, – я ее сломал. Какая жалость. Но ты, Танюша, не сердись: я по жизни такой небрежный, а тебе и с распущенными волосами хорошо. Я виноват, признаю, и готов исправить свою вину. Я куплю тебе новый зажим, вот прямо завтра куплю. Давай решим, где я могу тебе его передать.

– Знаешь что, Зурват, не надо, – вмешался Ваганов. – Обойдемся без тебя. Сломал, так сломал: не лезь.

– Но я ж не хотел...

– Мы знаем.

– Но это не хорошо. Тань, давай завтра вечером, в шесть часов на «горбушке». Ты должна знать, где это, ты москвичка.

– Курить охота, – признался Башков, – да дамы стесняюсь.

– Кури, пожалуйста, – тихо сказала Таня. – Только окно откройте, ладно?

– Для нас твоя просьба – закон, – сказал Смирнов и подошёл к окну.

– Зурват, – продолжила Таня смелее, – ты откуда родом? У вас паранджу носят, у вас допустимы гаремы, ваши мужчины – джигиты?

Зурват засмеялся и начал рассказывать Тане про осетин. Про гаремы сказал, что они возможны, но лишь при условии, что муж будет способен обеспечивать семью. Что многие осетины вообще русского не знают, а дети учатся в школах только на национальном языке.

– А что это у вас за месяц такой – рамадан?

– Или рамазан; это месяц строгого месячного поста.

– А пятничный намаз?

– Молитва. У мусульман пятница – выходной день. Когда молимся, мы становимся на колени. Мужчины и женины молятся отдельно.

– Какой исламский праздник ты любишь?

– Курбан-байрам. Это праздник жертвоприношения, у нас в Осетии им является священный барашек. Кусочек такого животного надо съесть обязательно перед едой.

Таня посмотрела по сторонам:

– Странно, здесь нет даже раковины... Где же можно воды попить?

– У нас все в столовой, – объяснил Смирнов. – А ты пить хочешь? Я тебе принесу. Вода с сиропом есть, будешь?

– Буду. Спасибо большое.

Смирнов поднялся и пошел к дверям. На выходе обернулся и жестом подозвал к себе Ваганова. Юрка догнал Толика у лифта.

– Чего тебе?

– Это я должен тебя спросить. Это ты меня обворовал?

– Я? – Ваганов не понял вопроса.

Они вошли в лифт и всю дорогу разбирались.

– Ты. Больше некому. И не лепи горбатого, – спокойно сказал новый русский.

– Кто тебе такое сбрыхал?

– Никто. Я сам догадался. Меня обокрали тогда, когда я был в ресторане. Тебя с нами не было.

– И это все? Я с Танькой встречался.

– Да? Что-то ты со свидания быстро пришёл.

– Ты помнишь, когда я пришел? Ты был сильно пьяный и ничего не видел.

Смирнов усмехнулся:

– Я, может, и был пьяный, но я не слепой. И память у меня хорошая. Почему ты с нами в ресторан не поехал?

– Что за дурацкий вопрос? Не захотел, так и не поехал.

Ваганов закипел:

– Толян, я не врубаюсь, какого хрена ты все грехи валишь на меня? Хочешь, чтоб я на шконку за сухаря сошел?

– Ты забыл, как очутился на той самой шконке? На кого ж мне еще думать? Твоя эта невинная коза, я больше чем уверен, ни о чем не знает.

– Фрей шуруется, – усмехнулся Ваганов.

– Шо ты хмыкаешь, падла, уркаган конченный! Даю тебе ровно неделю, чтобы вернуть то, что ты накрал – у меня из кармана и из квартиры! Приезжала хозяйка и видела погром, она

хочет писать заяву ментам. Я уговариваю ее этого не делать, объясняю, что знаю вора, и он сам все вернет. Так что если через неделю не вернешь, будешь иметь дело с ментами. Вернешь украденное из квартиры, остальное – дарю.

– А ты докажи, что это я. Ты меня только голословно обвиняешь, а ты докажи.

– Кроме нас четверых в ту минуту никого рядом не было. Валерка с Костькой отвлеклись, мы остались с тобой наедине. Я, может, и был бухой, но помню, как ты лез в мой карман.

Ваганов пустил смачную струю дыма.

– Ну, допустим, что я залез в твой карман, – согласился ответил он. – Но хату я не брал. У меня и ключа-то нет. А замки ломать – я не «медвежатник».

– Хорошо. Я тебе поверил. Тогда пускай хозяйка пишет заяву, а менты будут разбираться, кто там наследил.

– Пишите, это ваше право, – смело ответил Ваганов. – Только не будет ли поздно? Через неделю-то? Порядок в хате навели, следы уничтожили. А может, там и нет следов-то...

– Ты, конечно, мог следов и не оставить. Ты же опытный. Я только не пойму, зачем ты меня «обул»? Если тебе деньги были нужны, ты б меня попросил, я б тебе их и так дал.

Вернувшись в комнату, Ваганов с удивлением обнаружил, что Тани там нет. Он растерянно посмотрел на друзей, но те лишь плечами пожали. Зато Зурват Бесланбеков опустил глаза и отвернулся.

– Что здесь творится? – сурово спросил Ваганов. – Где Танюха?

– Ушла, – дал лаконичный ответ кавказец.

– Куда?

– За дверь. – Русский язык Бесланбекова сменился осетинским.

– Куда? – переспросил Ваганов.

– За дверь.

– Почему ушла?

– Наверно, не захотела ждать. Слюшай, а может, она тебя бросила?

Ваганов поднял Зурвата за шиворот.

– Колись, гнида кавказская, почему девчонка ушла?

– Ваганыч, у тебя с ней серьезно? – спросил Завьялов.

– Да, серьезно. Даже очень. А что? – Ваганов отпустил Зурвата.

– Нет, ничего, праздное любопытство. В Рязани у тебя их была тьма, и ни с кем ты не сошелся, а здесь...

– В Рязани все не то попадалось, а здесь прямо то, что надо. Я влюбился.

– Иди ты! – не поверил Завьялов.

– Сам иди, – огрызнулся Ваганов.

Таня неожиданно вернулась.

– Таня, где ты была?

– Выходила пройтись. Юра, ты меня одну здесь больше не оставляй: я боюсь. Ты ушел, и я за тобой.

Ваганов крепко прижал Таню к себе.

– Это Зурват виноват, да? Он тебя достал?

– Да. Он пытался приставать ко мне. Я увернулась и ушла, он хотел меня догнать, но я не обращала внимания. Тогда он отстал.

– Я тебе воды принес.

– Спасибо.

– Если узнаю, что ты к ней пристаёшь, убью, – пригрозил Ваганов Бесланбекову.

8. Рабыни

Назавтра Ваганов явился к Завьялову прямо с утра.

– Чему обязан столь раннему визиту? – дружелюбно спросил Валерка.

– Валек, ты мне свой ствол не одолжишь?

– Тороплюсь, аж вспотел! На кой ляд он тебе? Хочешь кого-то завалить? Кого?

– Не завалить, а просто напугать. Бесланбекова.

– Да? А может, Толяна? Вы вчера больно долго за водой ходили, и я знаю, почему. Это ведь ты его «обул», да? Зачем?

– Захотелось.

– Значит, Толян правильно на тебя подумал. И теперь ты решил свести с ним счеты. Или замочить обоих – его и черного?

– Мокруха здесь ни при чем.

– Япона мать, Ваганов, ты меня за лоха держишь или сам такой?

– Все с тобой понятно, я отваливаю.

– И запомни, – бросил Завьялов на прощание, – если ты мне понадобишься, я тебя сам найду и обеспечу оружием. А мое мне самому нужно. К тому же светить мою «волыну» не надо.

У Валерки зазвонил телефон. Он ответил и после этого стал собираться.

– Некогда мне с тобой толковать, меня в Рязань вызывают.

Завьялов прибыл в Рязань в обед. Встретил его там Сёва – наркокурьер «Черного льва». Сёва поведал, что им собираются поставить свежий наркотик и что в Рязань готовится приехать сам поставщик – Слива из Средней Азии. Завьялов должен его принять.

– Требуется – примем, – ответил Завьялов. – Братва в «Первомайском»?

– Да.

– Пойду Ксюху проведу.

Отель «Первомайский» на одноименной улице еще в 91-м году принадлежал государству, а через два года он перешел в лапы «михневцев». Якобы бандиты выкупили этот отель у городских властей и сделали из него бордель. Здесь жили и работали те самые проститутки, которыми банда завладела еще при Михневиче. Пленные проститутки были здесь рабынями. За свою позорную работу они не получали ни гроша, потому что все деньги всегда уплывали в карманы бандитов. Следил за женщинами Кардинал, он же подгонял им клиентов, часто иностранных, потому что они богаче.

Рабынь было десять. Из отеля они не имели права без разрешения Кардинала никуда выходить, потому редко дышали свежим воздухом. О побеге же им оставалось только мечтать. Но даже за самую жестокую провинность путану убить не могли, иначе тогда бы бандиты потеряли прибыль.

Самой старшей над путанами была тридцатидвухлетняя Ксения. Из себя она женщина красивая, но красивее была самая младшая путана Люба. Люба занялась своим ремеслом еще подростком, когда ушла из дома и стала искать средства к существованию. Она была и самой дорогой, потому что имела особенность пред работой делать клиенту хороший массаж и поить его фруктовым коктейлем для разрядки. Больше так никто не умел.

Завьялов, столкнувшись с Сёвой, забежал в отель поздороваться с Ксюшей. На третьем этаже он столкнулся с невысокой, крашеной в красный цвет Любой.

На щеке под глазом у нее сиял здоровенный «фонарь», скупое сочетание с ее фиолетовым халатом. Вообще-то в правила гангстеров не входило интересоваться, что произошло, но добрая душа Валерка не сдержался и тормознул Любу:

– Ого! Кто это тебя так?

– Шеф, – тихо ответила та и побежала, пряча лицо. Завьялов слышал, как она заплакала.

Он зашёл в номер Ксении. Та сидела на кровати в красивом атласном халате на пуговицах и читала журнал мод.

– Привет, Оксаночка! – с порога огласил Валерка. Ксения лишь молча посмотрела в его сторону.

– Не то листаешь! – гаркнул Завьялов. – «Камасутру» читай! – он дотронулся до ее волос, чтобы заложить за ушко. Она увернулась:

– Уйди, Завьялов.

– Что? Тебе не нравится мое внимание?

Ксения подняла на него глаза:

– Мразь.

– Что ты сказала, повтори?

Оскорбление от шлюхи жутко разозлило гангстера. Он вскинул ножик-«бабочку» и приставил лезвие к шее женщины.

– Еще одно такое слово, и это лезвие оставит на твоём хорошеньком личике незабываемую полосу от уха до уха, тебе все ясно?

Оксана дрожала под холодным клинком «бабочки» и смотрела на гангстера презрительным взглядом; ей ужасно хотелось плюнуть ему в его симпатичную рожу. Он же вопил:

– Ты все поняла?

Легкими кивками головы она дала понять, что все. Тогда бандит убрал холодное оружие и вынул огнестрельное. Дулом провёл ей через все лицо и остановился там, где начинается верхняя пуговица халата.

– Расстегнуть! – приказал Валерка.

Ксения подчинилась.

– Вот так и сиди. Что с Любкой?

– Конкин, – чуть не плача, ответила Ксения.

– За что?

– За то, что отказалась спать с ним.

– А-а, значит, за дело.

Тут пленница не выдержала и заплакала:

– Боже мой, Валерка, это какой-то ужас! Какой же он противный! Она сделала ему массаж и раздела до пояса. А он весь в наколках, волосатый. Простой в дрожь бросает.

– Я, кажется, ясно сказал фильтровать базар, когда о нас выражаешься! – проревел Завьялов и занес руку, чтобы ударить Ксению. Но опустить не смог: хоть она и презренная, а все-таки женщина. Это и остановило Валерку.

– А ты что сырость-то разводишь? – удивился он.

– Любку жалко. По всем статьям жалко.

– Ты зверя моего кормить не забываешь? Кстати, где она, моя красавица?

– Спала со мной, а теперь ушла куда-то.

Зверь, о котором упоминал Валерка, была его кошка Дуся, подаренная ему в возрасте пяти недель на двадцать восемь лет. В тот день к бригадиру дружно ввалились все его шесть «быков» и Михневич прямо с порога сообщил: «Валек, у нас для тебя живой подарок – с шерстью, усами и хвостом», после чего Кардинал внес крохотного котенка, недавно только прозревшего. Он предупредил Завьяла, что это дама и нужно быть с ней повежливей. Кошечка была дымчатая белая с серыми пятнами, тоненьким хвостиком и острыми ушками. Она жалобно пищала и от страха сильно впиалась Валерке в плечо не менее острыми коготками, попутно уползая по плечу все выше и выше. «Ух ты, боже мой», – умилился бандит, снимая котёнка своими широкими ладонями, в которых комочек уместился весь без остатка.

Валерка стал зверьку и хозяином, и папой, и мамой. Поначалу он и спал вместе с ней, заботливо почесывая ей то за ушком, то под шейкой, а она в ответ громко и щедро мурлыкала.

Но потом Дусю пришлось поселить в другой комнате, потому что хозяин вообще-то спит с женщиной, а котёнок, если он один и ему скучно, не даст спать никому. Сейчас Дусе было около полугода. Валерка кормил ее самыми лучшими кормами, не жалел денег на ее развлечения. Покупал шарики, мышки для подвижных игр. Нянчился с ней как с ребенком. Когда его не было, за Дусей всегда смотрела Ксения.

9. Прощай, друг!

Неделя давно прошла, но Смирнов о долге не напоминал, лишь сократил общение с Вагановым до минимума. Однако мысль разделаться с Толяном не покидала бандита.

Однажды Ваганов стоял на остановке, но долго не мог уехать. Тогда его и окликнул незнакомец:

– Эй, парень, выпить хочешь?

Ваганов обернулся.

– Это вы мне?

– А то кому же. Мне компания нужна, составишь?

– Я не пью.

– Да ладно тебе гнать-то: не пьешь! Все пьют, а такие, как мы с тобой, – особенно!

Тут Ваганов и разглядел на пальцах и на шее незнакомца синие рисунки. И понял, что перед ним бывалый сиделец. По наколкам Юрка даже статью прочел.

Так они и познакомились. Незнакомец назвался Леней Кубраковым. Он-то и вывел Ваганова на московский «черный рынок», где торговали оружием. Ваганов купил «timoфея» с глушителем в каком-то подвале у барыги бомжеватой наружности, барыга же пистолет и зарядил. За оружие расплатился деньгами, украденными у Смирнова, и на месте же испытал оружие в действии – чтобы «фуфло» не толкнули. Он выстрелил продавцу прямо в лоб. Тот свалился замертво. Свидетелей убийства не было. Да и кому нужен невзрачный мужичонка, торгующий оружием в подвале? Убил кто-то из своих, да и все.

Прошло еще несколько недель, прежде чем оружие пригодилось Ваганову. Толику было некомфортно от самой мысли, что его обокрал какой-то урка, которому за это ничего не будет. Для Ваганова украденных денег Смирнову было жалко, да и вора бы на место поставить надо. Одним словом, Смирнов напомнил Ваганову о долге.

Выбрав подходящий день, Ваганов направился на Каширское шоссе. Перед квартирой Смирнова бандит надел рукавицы и позвонил в дверь.

Новый русский сразу открыл. Увидев Ваганова, удивился, зачем к нему пожаловал этот опальный гость. А тот сказал коротко: «Я долг принес» и пустил другу одну пулю между ребер. Смирнов плавно повалился на пол. Однако оставался жив: убийца сознательно стрелял так, чтобы жертва еще помучилась. Новый русский ровненько лежал на полу, медленно истекая кровью. При этом он тяжело и хрипло дышал и шевелил губами, будто хотел что-то сказать. Убийца опередил его:

– Что, что ты хочешь знать? – Ваганов присел на корточки и бессовестно посмотрел Смирнову в его зеленые глаза. – Заказали тебя, родной, натурально заказали. Я тебя заказал сам для себя и сам же завалил. «Вольна» симпатишная, у тебя такой нет.

Тяжело раненный Смирнов сделал попытку приподнять голову, но убийца немедленно приставил ему дуло пистолета в лоб и рявкнул: «Лежать!» и спустил курок.

Смирнов перестал дергаться. Злодей тут же подскочил на ноги и ринулся в квартире все шмонать. Однако больше денег здесь не было. Подоконник открыл балкон и приволок туда убитого. Сначала хотел сбросить тело вниз, но Толик оказался на удивление тяжёлым и Ваганов просто бросил его на балконе.

Он уже хотел уходить, когда в коридоре увидел целую лужу крови. Негодяй сорвал с кресла покрывало и швырнул его на багровое пятно, ожидая, когда кровь впитается. Не заметил, как несколько капель попали ему на штаны. Зато увидел, что кровь затекла под ковер.

И тут во входную дверь настойчиво позвонили. Ваганов вздрогнул. Быстренько закинув пистолет под одежду, он посмотрел в глазок, стараясь не создавать шума. На площадке стояли

люди respectable вида в количестве трех человек. Это были партнёры Смирнова по бизнесу. Именно их-то он сегодня и ждал. Но пришла смерть по фамилии Ваганов.

«Этих лохов, пожалуй, можно будет ещё кинуть», – мысленно готовился Ваганов, но двери не открывал. Гости позвонили опять. Убийца застыл у глазка. Перестрелять их всех ему вовсе не хотелось. Гости начали злиться, потому что один перешел к мату, а двое других стали активно ломиться в дверь ногами. Наблюдать за ними Ваганову было ужасно весело, он даже тихо засмеялся, глядя, как эти трое здоровых бугаев «попали» и обломались.

За дверью слышались возмущенные голоса, затем дверь начали ломать. Перепуганный бандит готов был искать в квартире пятый угол. Наконец сообразил, что лучше всего – это спрятаться просто за дверь. Однако гости вдруг успокоились. Ваганов слышал, как они уходят.

10. Схватка

На место встречи с Бесланбековым, «на горбушку», Таня пришла с Вагановым. К шести часам вечера они явились вовремя. Сначала Зурвата они ожидали вместе, но скоро Ваганову надоело просто ждать, и он решил прогуляться. Таня отказалась, но обещала, что никуда не пойдет и останется ждать его на этом же месте.

Вдруг где-то близко раздался сигнал машины. Таня вздрогнула: слева от нее стоял фиолетовый «Фольксваген-Пассат» Бесланбекова. Сам же Зурват приоткрыл окошко рядом с собой и премило улыбнулся Тане, блестя темными очками.

– Привет! – сказал он ей. – Смотри: але-гоп! – показал он красивую заколку.

– Дай, – на расстоянии попросила Таня.

– Иди возьми, – издевался осетин.

Таня приблизилась к машине и протянула за подарком руку. Но Бесланбеков быстро отдернул свою руку и убрал подарок.

– Зурват, перестань баловаться; отдай то, что мне принадлежит.

– Ах-ха-ха! Кто тебе сказал, что оно – твое? Ты его еще не заработала!

– Зурват, я не одна: здесь Юра.

Бесланбеков обернулся назад и взгляделся в окно.

– В упор не вижу. Где он?

– Сейчас позову.

Зурват открыл дверку рядом с собой.

– Прошу садиться.

Таня не двигалась. Он положил заколку на сиденье.

– Бери: вижу, она тебе нравится. Она твоя.

Таня развернулась уходить. Бесланбеков выскочил из машины и схватил ее за руку. Накрепко вцепился.

– Садись, я тебе говорю!

– Пусти меня, Зурват, что ты делаешь?

Бесланбеков швырнул Таню на переднее сиденье, хлопнул дверцей.

Ваганов уже поворачивал к Тане, когда сквозь густую толпу заметил яркий цвет машины кавказца. Зазевавшийся кавалер ускорил шаг, побежал, когда у него на глазах его девушка была силком посажена в машину и похищена, а машина рванула с места на бешеной скорости. Юрка подлетел к первому попавшемуся водиле и приказал ему гнать за фиолетовым «Пассатом».

Зурват мчался и читал Тане стихи Косты Хетагурова о любви, читал на двух языках, она же не слушала стихов и плакала.

Горячий кавказский парень остановился на берегу Яузы, небрежно выволок Таню из машины. И нетерпеливо начал рвать на ней легкий «топик». Заплаканная девушка изловчилась и храбро расцарапала домогателю лицо. Бесланбеков взвыл и расслабил хватку, Таня бросилась бежать. Он – за ней. Быстро настиг и швырнул на землю; Таня сильно и больно ударилась. Бесланбеков воспользовался этим и одной рукой продолжил лезть под майку, а другой – под юбку. В этот момент его сзади за шиворот кто-то крепко схватил, поднял, развернул на 180 градусов и двинул по роже увесистым кулаком. Зурват отлетел так, что даже подскочил в воздухе. Ваганов впился ему в одежду и притянул к себе поближе, опять приложился кулаком.

– Мурло кавказское! – ревел Юрий Андреевич. – Гнида поганая, тебя разве твои святые предки не учили, что девчонок обижать нельзя? Что ты хотел с ней сделать, колись, чмо! В глаза мне смотри, ты! Я тебя кастрирую, урод!

И врезал Бесланбекову между ног. Удар получился особенно сильным и болезненным. Зурват завыл и упал на землю, держась за больное. Ваганов начал пинать лежачего ногами и совсем забыл о Тане, как вдруг она его умоляюще попросила:

– Хватит, Юра, не надо больше.

Ваганов, наконец, опомнился и обратил внимание на девушку, которая сидела на коленях и наивно пыталась закрыться разорванной майкой. Убийственный кавалер подошел, обнял ее и поцеловал в лоб:

– С тобой все в порядке?

Таня заплакала:

– Боже мой, Юра, он хотел меня изнасиловать! И как я могла оказаться такой дурой, что поверила ему? Я что, малое дитя, заколки мне эти надо?

Ваганов прижимал Таню к себе и успокаивал:

– Тише, Танюшка, не плачь. Больше этот хренов чурка к тебе не подойдет. Я за тебя любого порву.

– Ты убил его?

– Даже яйца не раздавил. А надо было? – спросил он вдруг настороженно и с интересом.

Таня вспомнила о своей разорванной майке и судорожно схватилась за нее в большом смущении.

– Как мне теперь идти в таком виде?

– Если хочешь, надень мою рубашку.

– А ты?

– Глупости! Я – так!

Таня уже собралась переодеться, но вдруг увернулась:

– Я стесняюсь, Юра. Отвернись.

Ваганов, нимало не колеблясь, снял свою рубашку и отвернулся. Таня скоренько переоделась и тут увидела татуированные спину и плечи ухажера. Дав ему знак повернуться, она обнаружила такой же перед с надписями странного содержания.

– Юра, почему ты такой синий?

Он опешил и растерялся одновременно, похолодел.

– Нравится, – лаконично и логично ответил он, глядя на Таню искоса.

Таня восприняла его ответ недоверчиво, однако не стала спорить и поднялась, Ваганов ей помог. Уже стоя на ногах обнявшись, они заметили прилетевший им под ноги камешек и обернулись. Стоявший на коленях побитый Бесланбеков хрипло проорал сначала что-то на своем осетинском, а затем сразу же перешел на русский:

– Ваганов, ну продай ты мне ее за калым, а? Серьезно прошу, Аллах свидетель: люблю я ее.

Ваганов оглянулся на него и равнодушно продолжил путь.

– Таня! – крикнул Зурват, – ты еще не знаешь, он же убийца! Он же детей убил и за это сидел...

Тане не давали покоя наколки кавалера. Такие ставят обычно в тюрьмах. Первая мысль была бежать. И Таня, не помня себя от страха, бросилась прочь. Ваганов рванулся за ней:

– Таня, Таня, подожди! Послушай, Таня...

Настиг он ее у поворота, даже едва не споткнулся:

– Таня, стой!

Она развернулась и ошалело крикнула ему в лицо:

– Уйди от меня, маньяк! Не прикасайся, ко мне, слышишь? Не то я позову людей и милицию!

Ваганов крепко впился в Танины губы своими прокуренными. Но Таня, хоть и любила эти поцелуи, сильно ударила коленом прямо в пах кавалеру и вырвалась. Ваганов почувство-

вал боль вплоть до тошноты и так разозлился на Таню, что даже обложил ее трехэтажно. Но догонять Таню у него больше не было сил.

Юрка оглянулся назад. Бесланбеков с довольным видом все еще стоял на коленях и наблюдал, как по его вине, на его глазах рушатся отношения двух влюблённых.

11. Охота на Бесланбекова

Около полуночи в комнату Зурвата настойчиво постучали. Он спросил, кто, но за дверью не ответили. Однако постучались еще настойчивей. Затем обнаглевший гость пробовал применить силу: начал тихонько ковыряться в замке. Жилец, наконец, открыл.

Ночной визитер Ваганов ударом кулака в лицо Зурвату сшиб его с ног, опрокинул на пол; сам же, грозно подступая, шипел бранно:

– Чего ты добиваешься? Какого хрена воняешь, что я мокрушник? Дерьмо собачье! Мстить, паскуда, вздумал? Хотел Таньку изнасиловать, а я не дал? А ты знаешь, что с такими уродами на киче бывает? Урою, чмо! Чмырь? Забыл, где твое место? Мразь ползучая! Говоришь, на колени становитесь, когда молитесь? А ну, живо становись на колени! Слышь, что тебе приказывают? На колени!

Видя, что Зурват не очень-то торопится исполнять приказание, Ваганов сверкнул заточкой, повертел ею прямо возле носа кавказца.

– Засадить в бок? – прогремел бандит над ухом южанина. – Или сразу в орла? Для особо тупых лохов перевожу: в бок или в сердце?

– Юрка, не надо... Ну, пожалуйста, не надо, – вдруг заныл Бесланбеков, отползая по полу назад.

– В штаны наделал, заяц, слюни пускаешь? – Ваганов пощекотал его заточкой за левым ухом и опять сунул под нос. – Хочешь потрогать? Настоящая. Сделанная собственноручно на киче. Мне подарок от Шуры Мохнатого. – Бандит блеснул глазами, на губах держал кислородовольную улыбку, а в пальцах вертел заточку – холодное оружие из мест не столь отдаленных, нож-отвертку. Приставив его Зурвату меж ребер, повторил свое приказание:

– На колени, сука, молись своему богу, пока есть время!

Бесланбеков упал на колени и склонился к самому полу. На шее у себя ощущал стальной конец заточки. Молиться ему явно не хотелось, а умирать – и подавно. Он опять утробно заныл:

– Юра, не убивай. Я раскаюсь. Признаю: я сморозил дрянь, но я не хотел. Сорвалось. Я хотел просто напугать тебя. Именно тебя, а не ее. Только напугать.

– Лопух ты, Зурват. Меня ничем не испугаешь, я не заяц, – заносчиво хвалился Ваганов, затем опять приказал:

– Бери свою трубку. Где она у тебя?

– Здесь. На столе.

– Набирай номер и попроси пригласить Таню.

– А если она спит?

– Мне по барабану. Попросишь ее и скажешь ей все, как было: что ты напорол чернухи, а я типа, фраер.

– Понял, – внятно промычал Зурват и спросил разрешения встать.

– Лежать! – запретил Гарик и продиктовал номер Ольшевских.

Не подходили долго. Наконец ответил один из братьев.

– Здрасьте, – волнуясь, начал Зурват. – Будьте добры, пожалуйста, пригласите к телефону Таню.

– Таня спит, – был ответ.

«Она спит», – передал Бесланбеков. «Проси, пусть разбудят», – настаивал Ваганов.

– А вы разбудите ее, это срочно и важно.

Сергей, смущенный кавказским акцентом звонившего, поинтересовался:

– Простите, а с кем я говорю?

– Это один ее знакомый, Зурват меня зовут.

Сергей отложил трубку и пошел звать Таню к телефону. Бесланбеков даже слышал, как брат ее будил.

Заспанная девушка подошла через пару минут.

– Але?

– Таня, это Зурват.

– Я тебя узнала; что ты хочешь?

– Таня, я должен тебе сказать... надеюсь, ты не очень поверила, будто Юра бандит? Таня, это все неправда. Я соврал. Это первое, что пришло мне в голову. Я просто хотел его запугать, *его*, а не тебя. Вернись к нему, девочка, он не убийца. Не бойся его.

– Все придумал, говоришь? Мне так не показалось.

– Не спорь: мне лучше знать. Ничего этого не было, извини. – Затем, сказав ей по-осетински «Я тебя люблю», он по-русски пожелал ей доброй ночи.

– Вот это совсем другое дело, – одобрил Ваганов и разрешил Зурвату подняться на ноги. Убрал зековский инструмент с шеи.

– А это тебе на память, – сказал бандит и густо прошелся Зурвату заточкой по щеке, после чего бесцеремонно вышел вон.

Тем временем на стоянку общежития проникли двое неизвестных в черном и в масках-шапочках на голове. Один был вооружен монтировкой, ударом которой оглушил сторожа; второй посветил фонариком и при его свете бандиты стали активно пробираться к фиолетовому «Фольксвагену-Пассату». Подобравшись к иномарке, неизвестные в масках установили под водительским сиденьем гранату Ф-1, после чего скрылись.

Утром владелец заминированной машины спустился к своему «железному коню» и беззаботно сел в салон. Он направлялся на работу. На станции метро «Пушкинская» он притормозил у ларька, где работал его земляк, уже лет пять живущий в Москве. С товарищем он задержался недолго, а когда сел в машину, к нему подошёл мужчина средних лет и попросил его подвезти. По совпадению их маршруты оказались одинаковыми, и Зурват вполне щедро согласился.

Но уже на первом же светофоре граната сработала. Попутчик Бесланбекова погиб на месте мгновенно, самого же водителя взрывной волной отбросило прямо через лобовое стекло на много метров так, что он не попал в поле зрения окружающих. Взорвавшееся пламя огня прихватило Зурвата, и он, горящий, откатился в сторону.

На пепелище нашли обгоревший труп человека и обломки машины, по которым удалось восстановить марку и номер погибшей иномарки. Теперь по этим данным предстояло определить владельца «Пассата»...

12. После убийства

Смирнова в тот же день обнаружили соседи и вызвали милицию. Милиция установила, что квартира съемная, соответственно, была также установлена хозяйка, которая назвала личность убитого. Но показания Тамары Игнатъевны ничего не дали, она лишь вспомнила, что незадолго до убийства квартиранта обокрали и он, судя по всему, вора знал. Убийство могло быть связано с кражей. А могло быть и заказным. В любом случае, с убитым свели счёты. Начали отрабатывать круг его знакомых.

По личным данным удалось выяснить, что убитый был из Рязани, несколько раз женат, а из родственников у него есть родная сестра, которая живет в Беларуси. Впрочем, через пять дней сестра сама явилась в уголовный розыск с целью сделать заявление о пропаже брата.

– Я Елена Евгеньевна Можейко, – представилась она, – у меня пропал брат, Анатолий Евгеньевич Смирнов. Я три дня не могу до него дозвониться, поэтому решила приехать лично. Но двери он мне тоже не открыл.

– Сколько дней, как ваш брат пропал?

– Не знаю. Я звонила ему не каждый день, но всегда дозванивалась, а теперь он не выходит на связь.

– Может, он за границу поехал, а там связи нет? Или телефон не доступен.

– Я бы об этом знала. Толя бы мне сообщил.

– В каких кругах вращался ваш брат?

– Толя был новым русским.

Следователь что-то припомнил. Позвонил по телефону.

– Иван Сергеевич, глянь-ка ты в своей картотеке убийство нового русского на Каширском шоссе, что недавно было. Нашел? Какого числа? Двадцатого. Тут, похоже, его сестра у меня сидит. (К Можейко). Какого числа ваш брат пропал?

– После двадцатого как раз он и пропал.

– Елена Евгеньевна, в морге судмедэкспертизы находится тело молодого человека, убитого двадцатого числа. Он тоже был новым русским. Не хотите взглянуть?

– Да, конечно, я поеду. Вы сказали, он жил на Каширском шоссе? Это, наверно, Толя и есть, он тоже на Каширке жил.

Елена Евгеньевна приняла участие в опознании. Убитым оказался ее брат Толик.

– Вы можете дать какие-то показания по делу? – спросил потом следователь.

– Я ничего не знаю. Я давно с ним виделась.

– Когда виделись в последний раз?

– Месяца три назад.

– Он вам что-то рассказывал, может, проблемы у него какие-то были?

– Толя не был ябедой. О проблемах он умалчивал. Он меня вообще не посвящал в свою жизнь.

– Но вы хоть знаете, чем он занимался?

– Досконально – нет.

Улик на месте убийства обнаружено не было никаких. Пули, извлеченные из тела, отправили на баллистическую экспертизу, которая установила, что они были выпущены из пистолета ТТ № 06113 и калибра 7,62 – настоящего, не кустарного. Пистолет проверили на причастность к другим преступлениям. Ствол был чистым, не паленым, но убийца сам засветил пистолет, убив оружейника. Это дало основание думать, что оружейник и новый русский были убиты из одного пистолета одним лицом. И, значит, пистолет нарочно покупался с целью убийства Смирнова. Итак, происхождение оружия удалось выяснить.

Узнав об убийстве оружейника, Кубраков почему-то подумал на Ваганова, о котором знал только имя, и то не факт, что настоящее. Да и вообще, оружие мог купить кто угодно, и кто угодно мог совершить убийство. Сам Ленка при покупке «ствола» не присутствовал.

Не с руки бывшему зеку помогать милиции, но Ленка хорошо подумал и анонимно сообщил о своих подозрениях. Он сам лично познакомил Юрия с продавцом оружия. Все, что может сообщить по делу, – только имя – Юрий, и может описать наколки, которые у того были. И по наколкам Леня понял, что Юрик сидел за кражи и убийство. МУР поднял всю свою картотеку и по описаниям нашел несколько десятков Юриев (благо, имя редкое), ранее судимых и с похожими наколками. Но никого из них Леня не признал. Значит, тот, который нужен, он либо не Юрий, либо залетный. Оба варианта осложняли дело. Наконец по милицейской базе данных удалось отследить Ваганова. Он значился жителем Рязани, там же был прописан. Но дома мама сообщила, что Юры в городе нет, он в Москве. МУР бросил все свои силы на поиски Ваганова. Кто-то из окружения Смирнова поведал, что не так давно в числе знакомых Толика появился какой-то Юра, очень странный тип. Прошло несколько недель, прежде чем к Ваганову пришли с обыском. Только пистолета у него не нашли, а больше ему предъявить было нечего.

13. У башкова

Константин Башков сидел в палатке на Охотном ряду и подсчитывал общую сумму за проданные вещи. Был третий час дня, рабочий день заканчивался. На рынке его и нашел Ваганов.

– Тебя, Юрец, искали, – не отрываясь от блокнота с записями, сказал Башков.

– Кто?

– От Шуры Мохнатого. Просили передать.

– От Шуры? Он же чалится, ему еще три года как минимум.

– Минимум ему или максимум – я не знаю, но братков было двое.

– Давно искали?

– Примерно неделю назад, а ты все им не попадаешься.

– Чего хотели?

– А я почему знаю? Мне не докладывают.

– Они в общагу приходили?

– Да.

– Странно, как они меня в Москве нашли? Как вообще узнали, что я здесь?

– Тебе лучше знать, как это делается. Слушай, Юрок, мне надо срочно сгонять в Рязань – у меня там остались записи, которые нужны здесь. Выслать их почтой или просить кого-то привезти – нет возможности, да и просить некого. Я еду в Рязань. Ты со мной не желаешь съездить? Завтра поедем, завтра же и приедем.

– Слушай, а куда это Завьялов пропал?

– Ну привет! Ты не знаешь? Его тут долго не будет. Он свалил по делам, сказал, что «наркота ждет».

– Зараза! – усмехнулся Ваганов.

– Еще какая!

На машине дорога из Москвы в Рязань составляет больше четырёх часов. Башков с Вагановым выехали рано утром. На въезде в Рязань Башков сказал, что сейчас покажет, где живут Шевцовы Оля и Максим.

Жили они в двухэтажном кирпичном коттедже в малонаселенном районе, за красивым железным забором, обнесенном вокруг дома. Рядом с домом располагался гараж, у соседей сидел на цепи большой и грозный питбуль, охранявший, по ходу, два коттеджа сразу.

– Любуйся, – предложил Константин.

– Ёханный бабай! Это, в натуре, что ли, его?

– Ну не мое же... В доме есть спортзал, сауна, тренажёры.

– Они тут вдвоем живут или еще матушка при нем?

– Нет, предки жили на Каляева. Теперь там одна мать, я не знаю, почему Шевцов ее не забирает.

Место работы Константина – вещевого рынок на улице Почтовой. Рядом с рынком можно было увидеть пятиэтажное здание с большими широкими окнами, бежево-красного цвета, с гербом города Рязани под самой крышей и флагом России – триколором. Стеклопакеты на входе мягко хлопали, люди то входили внутрь, то выходил. Это был филиал «Континенталя».

– А хочешь покажу, где живет Смирнов?

– Где?

– Московский район, улица Новаторов.

Ваганов подумал и отказался.

Дальше они приехали на улицу Новоселов, в микрорайон Дашково-Песочня. Этот район и эта улица – малая родина Ваганова. Здесь он вырос. Башков и Завьялов жили по соседству.

– Не хочешь к маме зайти? – спросил Башков.

Ваганов выказал желание, однако мамы дома не оказалось.

– Тогда пойдём ко мне, – предложил Константин.

– «Вот моя деревня, вот мой дом родной», – сказал Ваганов. – А двор пустой, никого нет.

– Такая жара, что все попрятались, – предположил Башков.

Друг-предприниматель жил на пятом этаже девятиэтажки, один, в двухкомнатной квартире. Вообще сказать, в семье он один-единственный ребенок; мать умерла, когда Косте было двадцать два года, а отец позже сошелся с женщиной из сельской местности и вскоре переехал к ней, а квартира осталась единственному сыну Косте. А тот жильем распорядился практически: вторую комнату начал сдавать и до сих пор держал у себя квартирантов.

– Проходи, Юра, не стесняйся. Будь как дома, – Константин раскрыл дверь.

– Но не забывай, что ты в гостях, – пошутил Ваганов и прошёл в единственную свободную комнату. По-хозяйски уселся в кресло.

– Никого нет, мы одни, – сообщил Башков. – Ты располагайся, а я на кухню пойду.

Константин поставил на стол бутылку водки и подсуетил неплохой стол. Налил себе и корешу по сто грамм.

– Вздрогнем, Юрик?

– Вздрогнем, Костя.

Оформили по новой, закусили.

– Ты так и живешь один? – завел Ваганов тему.

– Один, как видишь.

– У тебя ж, вроде, была подруга...

– Была да сплыла. Когда то было? Давно она была, еще при жизни мамы.

– Это сколько ее уже нет?

– Пять лет. Болезнь особенно стала прогрессировать в девяностом.

– А батя у тебя, значит, теперь селянин...

– Да. Его тетка не простая, сама какая-то где-то главная.

– Матери нет уже пять лет, ты что, за это время и подруги себе новой не завел?

– А на что мне бабы, Юрик? Мне одному шибко лучше. А если для постели, так простячек разных навалом.

Пропустили еще по одной, закурили. Ваганова начало мутить.

– Костя, какого рожна мы бухаем? Ты ж сегодня еще в Москву вернуться хочешь.

– А что мне Москва? Я дома, могу тут и заночевать.

– У меня свидание в восемь. А я теперь из-за тебя тут завис.

– И ты тоже дома. Звякни в Москву и скажи, что randevу переносится на завтра.

– Какой ты умный! Что бы я без тебя делал? Выйду на балкон, полюбуюсь родным двором.

14. Денис Метлешку

Будучи на Урале, Завьялов случайно наткнулся на своего конкурента, другого торговца наркотой, молдаванина по национальности, но смуглого, как цыган. Живет он по фиктивным документам, хотя носит подлинную румынскую фамилию Метлешку; зовут его Давидом, как родители нарекли, но сам он величает себя Денисом, о том же написано и в документах. Родом он из Кишинева, но еще до развала Советского Союза проживал и в Беларуси, и на Украине, и в Литве, и даже где-то на Южном Кавказе, в горах. Потом опять осел в Молдавии, там же был впервые осужден и бежал из тюрьмы. В первый раз его привлекли к аресту за грубое оскорбление личности, затем влетел за торговлю наркотиками. Начал с того, что предлагал малолеткам на дискотеке какую-то заразу. Дальше дошло и до экстази – продукта, содержащего в себе наркотические вещества. Одурманенные детки стали приходить домой пьяненькие, с огромными зрачками. Родители забили тревогу. На Метлешку устроили облаву, и он опять попался. Теперь сел на восемь лет, но отсидел только пять, остальной срок провел в бегах. В очередной раз его накрыли в бандитской группировке, где он был продавцом наркотиков. В этот раз рецидивиста молдаванина упрятали на двенадцать лет строгого режима, но он опять не досидел, оставив добровольно место заключения. За что и был объявлен в Федеральный уже розыск. Оказался на Урале, где его и накрыл Завьялов. Предложил ему восьмым вступить в группу. Денис был роста среднего, смуглый, брюнет с темно-кариими глазами, лет тридцати пяти или около того. Он активно включился помогать Завьялову толкать марихуану, тем более что имел в этом деле немалый опыт.

15. У Шевцова

Обыск у Ваганова, его поиски «от Шуры Мохнатого» привели к тому, что по общежитию поползли нехорошие слухи. Дошли они и до Шевцова. Максим решил побеседовать с проблемным жильцом лично. Для этого почему-то пригласил его к себе домой.

Столичная квартира Максима и Оли Шевцовых располагалась в элитном доме московского района Внуково. Максим жил в новом доме на шестом этаже.

«Нескромненько, но со вкусом», – подумал Ваганов, оценив жилье.

Дома у Шевцовых была только одна Оля. Открыв тяжелую железную дверь, она очень внимательно уставилась на визитера.

– Здравствуйте, здесь живет Максим Шевцов?

– Здравствуйте. А вы кто? Максим, вообще-то, сторонник того, чтоб с ним о встрече договаривались заранее, называли себя и сообщали предмет разговора. И приходили не лично домой, а на работу.

Оля была маленького роста, не старше двадцати лет девушка, худенькая шатенка с короткими волосами, с синими глазами, одетая по-домашнему просто: в белую кофточку и джинсовые шорты на подтяжках. На ногах – сиреневые тапочки. Отвечала она важно, культурно, красиво отчеканивая каждое слово, но спокойно; а высказавшись, приготовилась слушать гостя.

– Если вы к Максиму, так его нет.

– Он мне сам назначил.

– Тогда подождите, он скоро будет.

– Хорошо.

Ваганов сел на ступеньку и закурил.

– Зачем вы сели на ступеньку? Как покурите – заходите домой, дома подождите.

Когда Ваганов вошел, Оля, точно собаке, указала его место в прихожей на тумбочке и приказала:

– Садись здесь и с этого места ни шагу.

– А то что, охрану позовешь?

– А хоть бы и так.

– А по кумполу?

– А выйти вон – не желаешь?

Ваганов принял послушный вид и замолчал.

Оля просто боялась пускать урку со стажем, грабителя вглубь своей элитной квартиры.

Даже с его места Ваганову было видно, что в квартире сделал евроремонт, но совсем не такой, как у Смирнова. Здесь было три комнаты, лоджия, одна дверь которой выходила на кухню, подвесные потолки, самоклеящаяся пленка на стенах, мягкая мебель в комнатах, полы – греющие. Кухня, куда ушла Оля, была выстлана линолеумом, уставлена фирменной мебелью, плита «Гефест», шведский холодильник, кухонный уголок, стол с двумя раковинами и ящик для посуды. Максим явно опережал свое время. Мало у кого можно было найти греющие полы, самоклеящуюся пленку и евроремонт.

«Вот этих бы «обуть»! – размышлялся Ваганов. – Тут точно найдется, чем поживиться. А сколько добра имеет эта фифа, сколько «рыжья»!

Он даже начал представлять себе, как бы выглядел процесс экспроприации, и вдруг почувствовал большое желание осуществить свою затею немедленно. Бандит поднялся с насиженного места и осторожно прошагал на кухню. Взял со стола большой нож... Оля не слышала ни его шагов, ни его движений. Маньяк уже начал приближаться к ней, крадучись... В эту минуту дверь открылась и вошел Максим с каким-то громилой. Ваганов скоренько спрятал ножик за спиной.

Жена отреагировала на приход мужа, вышла ему навстречу, успев наорать на Ваганова, что он сошел с места. Когда Оля не видела, он шустренько положил ножик обратно на стол.

– Олюшка, на кого ты там кричишь? – спросил Максим с порога, поцеловал жену и протянул ей мороженое.

– Спасибо. Привет, Стас. На этого вот, – кивнула она на Ваганова, который уже вышел в коридор.

– А, пришёл. Привет. Это мой охранник Стас, – сказал Максим.

Верзила и хлипкий бандит молча поздоровались взглядами.

Все прошли в зал.

– Садись, – хозяин указал гостю на диван. – Виски хочешь попробовать?

– Нет, не хочу. Макс, ты мне лучше скажи: твой Зурват...

– Зурват погиб, Юрка.

– Как это?

– Ему машину подорвали. Мафия, наверно, больше некому. Многие кавказцев ненавидят и готовы убить уже за одно это.

– Когда погиб?

– На прошлой неделе, в среду. Он на работу ехал. Его сразу насмерть.

– Как ты узнал?

– По машине. У нее кое-как уцелел задний бампер, где написан номер, ну и фиолетовый цвет. Я по этим останкам его опознал.

Станислав встал с кресла и в задумчивости подошёл к окну. Ваганов не сдержался и сделал ему маленький комплиментик, оглядев его с ног до головы.

– Со мной такие на киче чалились.

– Кстати, по поводу кичи. Я за этим тебя и позвал. Юра, про тебя слухи ползут, я думаю, ты знаешь. К тебе милиция приходила, бандиты какие-то искали... И я хочу, чтоб ты усвоил на будущее: проблемные жильцы мне в общежитии не нужны. Я тебе делаю скидку и на первый раз просто предупреждаю, но если так и дальше пойдет, я тебя выгоню. Ты хорошо понял?

– Понял. А девушку привести можно?

– Можно, – улыбнулся Максим. – Тебе есть кого приводить? Поздравляю.

– Благодарю покорно. А если я сам съеду? Может, квартиру себе сниму?

– Съезжай, бога ради. У тебя есть деньги на квартиру? Впрочем, это не мое дело. Курить хочешь?

– А можно?

– Можно. У меня вот этот ковер и палас японские, они поглощают табачный дым, так что проветривать не приходится.

– Это все, что ты мне хотел сказать?

– Пока что все.

– Почему же в общежитии не сказал, а позвал домой.

– А ты против? Меня в Москве вообще не было: мы с Олей ездили в Грецию на отдых. Так что к делам я пока не приступил. А что про тебя слухи пошли, так это мне донесли. И еще. Грабить меня не вздумай. У меня квартира на сигнализации – видел, в прихожей маленький кружок мигает? Это она и есть. На домошников установлена надежно. Меня уже несколько раз пытались обставить, но все попались. Имей это в виду.

16. Следователь Лукьянов. Одна ночь в ИВС

Ваганов шагал по тротуару и даже не смотрел под ноги, когда в кого-то врезался. Бандит вздрогнул и поднял глаза.

– Стой! – закричала тетка, в которую он врезался. – Люди, держите вора!

Ваганов ничего не понимал и стоял не двигаясь. Да бежать было уже поздно: к нему со всех сторон начали подтягиваться посторонние люди.

– Это он, тот самый? – спрашивал кто-то в толпе.

– Да, он. Похож очень, – доносились ответы.

Несколько мужиков крепко стиснули ему руки и потолкали в ближайшее отделение милиции. Ваганов вырывался и кричал вопросами, но ответ следовал только один:

– Упирается, орёт! Значит, есть что скрывать!

– Что скрывать, я ничего не делал.

Плотно обступив со всех сторон, его затолкали в отделение. Там Ваганов и увидел ориентировку на самого себя, размещённую на «доске почёта». Такие ориентировки были развешаны по всей Москве, просто он не видел.

– Кого, честной народ, привели? – спросил мимо шедший капитан.

– Вот, товарищ милиционер, полюбуйтесь: это же тот, которого ищут по всему городу.

«Век свободы не видать, падлы, вы че гоните»? – подумал про себя Ваганов.

Посмотрев на Ваганова, встречный страж порядка лично сопроводил его в отдел уголовного розыска, постучал в дверь майора Лукьянова. Из-за двери разрешили войти.

Владимир Иванович Лукьянов – внешне высокий, худощавый с серыми глазами человек, следователь с пятнадцатилетним опытом работы в органах внутренних дел, пользовался большим авторитетом. Раскрываемость им преступлений составляет около ста процентов, ему всегда поручают самые запутанные, тяжелые и ответственные дела. Пока не было ни одного преступления, которого бы он не раскрыл, и не было ни одного преступника, который бы от него ушел не разоблаченным. К лицам подозреваемым или обвиняемым относится лояльно.

Увидев Ваганова, он отпустил капитана и занялся гостем.

– Берите стул, присаживайтесь, – сказал он Ваганову.

Ваганов не двигался.

– Не стоим, присаживаемся. Документы есть?

– С собой нет. Что я сделал? Зачем эти люди привели меня сюда? – Юрка начал нервничать.

– Вы ориентировки на себя видели? По всему городу висят, на каждом столбе.

– Не понимаю, о чем вы, – Ваганов, наконец-то, сел.

– В конце марта в Коломне было совершено убийство таксиста-нелегала. Есть свидетель, который видел молодого человека, по описанию очень похожего на вас. Этот человек сел в машину к убитому. Вы что-то можете сказать в своё оправдание?

– Я никогда не был в Коломне. Тем более никого не убивал. Ваш свидетель всё врет.

– Что ж, очень может быть. Он видел, как вы сели в машину, но не видел, куда вы приехали и что там происходило.

Ваганов, если честно, заволновался и даже испугался. Лукьянов продолжал:

– Я вызову свидетеля сюда, пусть он подтвердит свои показания.

– Ловишь меня, мент поганый, признание выбиваешь? Фак ю! Суешь в морду какой-то рисунок и ждешь, когда я признаваться начну в том, чего не делал! Свистит он, сука! Я никогда не был в Коломне!

– Однако какой точный портрет получился, – не верил Лукьянов.

– Давай, зови своего свидетеля, мне даже интересно посмотреть на него!

– Свидетель находится в Коломне и в Москву может прибыть не раньше завтрашнего дня, так что ближайшую ночь ты проведёшь в ИВС.

– Какой, в натуре, «обезьянник», не имеешь права, сечешь? Что у тебя есть против меня, мусор дырявый? Одни спорные показания. У меня есть презумпция невиновности, а если в каталажку, то давай мне адвоката.

– Грамотный, – оценил Лукьянов. – За что сидел-то? За кражи и убийство?

– Не твое дело, – огрызнулся Ваганов.

– Можешь не говорить, я и так вижу. Фамилия, имя, отчество?

Ваганов молчал. Лукьянов повторил настойчивей.

– Оглох, что ли? Фамилия, имя, отчество?

Ваганов назвал.

– Возраст и дата рождения?

– Двадцать пять лет.

– Где живешь?

– Сретенский бульвар, шесть. Там общага моего приятеля, у него и живу.

– Прописан?

– Прописан в Рязани.

– Задерживаешься на трое суток до выяснения, вот постановление, – огорошил Лукьянов. И распорядился увести задержанного.

– Не пойду, сказал! – рычал Ваганов на стражей порядка, уводивших его.

– А будешь сопротивляться – оформлю сопротивление представителю власти.

Перед тем как поместить Ваганова в «обезьянник», с него сняли отпечатки пальцев и проверили по базе. Образцы пальцев в базе имелись и принадлежали Ваганову Юрию Андреевичу, уроженцу Рязани, осуждённому в 84-м году за кражи и двойное убийство.

В «обезьяннике» гадюшника в количестве пяти человек уже давно осваивали нары задержанные и арестанты, еще не дошедшие до СИЗО. Один был наполовину лыс, второй – заросший щетиной на всю морду лица. Это устрашало его облик. Третий был мускулист, крепок, рыжий, с густыми волосами на груди, что делало его похожим на великана-людоеда. Двое остальных были малоприметные уголовнички, ничем особым не выдающиеся.

Когда железная дверь изолятора с грохотом загремела, все пять рож с любопытством уставились на новенького. Они доедали обед и хмурыми взглядами, жуя, неприветливо его оглядывали.

– Красивый, блин, пацан! Красючка! Это «петушок», ребята.

Ваганов молча ему врезал промеж глаз.

– За «петуха» ответишь!

Как имеющий тюремный опыт, Ваганов знал, как себя вести и что отвечать, по теме грамотно, чтобы впопад. Зеки быстро догадались, что перед ними бывалый. Узрели у него наколки.

– Дак это ж свой пацан, ёлы-палы, в натуре! По теме ботает. Грамотный, чувак.

– Иди к нам, – пригласил бородач.

– Двигай к нам, не стесняйся, – поддержал один из неприметных.

– За что попал? – прогудел рыжий.

– Мент поганый хочет меня за сухаря пустить. Мокруху, падла, вешает. Нахаловку, сука, шьет.

– Поделись, – попросил бородач. – Тискани роман.

Ваганов провел в «обезьяннике» спокойную ночь. Сокамерники расступились и выделили ему место не под нарами.

Момент ожидания свидетеля был, пожалуй, самым напряженным и беспокойным в жизни Ваганова. Если свидетель его узнает – будет финиш. Хотя какой свидетель? Он лично не помнит, кто бы мог их вдиеть.

Свидетелем оказался приятель погибшего таксиста. Оказывается, он сидел в сторонке и наблюдал, как его приятель Миша уходил с Вагановым. Запомнил внешность парня. Но сейчас не признал. Вместе с Вагановым ввели двух понятых и несколько парней схожей с ним внешности, Ваганова поставили в золотую середину.

– Итак, Сергей Иванович, посмотрите на этих молодых людей и скажите, есть ли среди них тот парень, которого подвозил ваш приятель Михаил?

– Вот этот, – Сергей Иванович указал на Ваганова, – похож, но я не уверен, что это он. У того внешность была очень выразительная, я думал, что узнаю его везде, где бы они ни был, но среди этих не могу назвать его так уверенно. Вот этот больше всего похож, – указывал он на Ваганова.

– Хочу вам напомнить, что с ваших же слов был составлен словесный портрет возможного убийцы. И им оказался этот самый парень, – сказал Лукьянов.

– Я не знаю, что там произошло. Как Мишка уходил с темным парнем, я помню, а куда они поехали и что там случилось, не знаю. Но после той поездки Мишку нашли задушенным.

– Ну что ж, других свидетелей у нас нет, – вздохнул Лукьянов. – Следов на месте преступления тоже нет – видимо, работал профессионал. Мне остается только принести извинения гражданину Ваганову и отпустить его.

– Надеюсь, больше мы с вами не увидимся, Владимир Иванович, – на прощание сказал Ваганов.

– А мне почему-то кажется наоборот: я вас в конце концов посажу.

17. Рабочий полдень

Впервые за два года директором «Континенталь-авиа» Максим Шевцов опоздал на работу. Он приехал в половине одиннадцатого утра, когда весь персонал уже был на своих рабочих местах. В приемную Максим вошел спешно, с кейсом в руках.

– Добрый день, Катюша! – поздоровался он с секретаршей.

– Привет, Максим! – по простому ответила Катя.

– Ты представляешь, впервые за два года опоздал! Это ж надо! Как же так? И то меня Оля разбудила... Странно, и ведь не пил вчера, ничего подобного...

Катя в ответ улыбнулась:

– Максим, начальство не опаздывает, оно задерживается.

– Да, правда. Мне с утра ничего?

– Сегодня пока нет.

– Тогда пойду к себе. А ты мне принеси квартальные отчеты по общежитию.

– Хорошо.

Максим спешно разделся и включился в работу. Катя принесла отчеты. Максим начал ознакомление и остался весьма доволен.

– Катюша, давай мы с тобой сейчас напишем приказ о премировании. Я хочу многих сотрудников поощрить, они очень хорошо справляются.

– Давай, Максим Михайлович.

Пока они вместе соображали текст приказа о премировании, дверь приоткрылась, и на пороге возникла Оля Шевцова с невысокой пожилой женщиной кавказской национальности. Женщина выглядела уставшей, глаза у нее были воспалены. По-русски она говорила с характерным южным акцентом. Она поздоровалась.

– Здравствуйте, – ответили в один голос Максим и Катя.

– В приёмной открыто, но никого нет, и мы сами вошли, – объяснила Оля. – Максим, познакомься, это мама Зурвата, Фарида Султановна.

– Рад познакомиться, Фарида Султановна. Что ж это вы так, господа, позвонили бы, предупредили, что приедете, я бы вас встретил... Садитесь, пожалуйста. Может, вам принести чего-нибудь с дороги? Кофе или чай? У нас Катя прекрасно кофе по-восточному готовит.

– Я бы выпила просто воды.

– Катюша, принеси стакан воды и пока приказ мы отложим.

Фарида Султановна и Оля сели.

– Фарида Султановна, аллах с вами, как вы меня нашли?

– Я сначала к этой милой девочке зашла (Бесланбекова указала на Олю). Помню, Зурват мне про тебя много рассказывал. Говорил, что нового друга себе в Рязани нашел, я так за него порадовалась. В общем, это не так важно. Твоя жена привела меня сюда. – Она заплакала. – Максим, ты мне сообщил, что Зурват... Прости.

– Увы, Фарида Султановна, я сам был в шоке. Но кое-как уцелел бампер машины и я по нему определил, что это Зурват. Поверьте, я очень сожалею. (Катя принесла стакан воды).

– Спасибо, девочка. Почему, почему это случилось именно с ним? (Шевцовы подавленно молчали). Что говорит следствие?

– В прокуратуре уверены, что это криминальная война или его просто, извините, устранили.

– Кому он мешал, о аллах?

– Что вам сказать? – Максим в задумчивости походил возле матери Бесланбекова, потом молча опустился в свое кресло. Фарида Султановна умоляюще посмотрела на него.

– Пожалуйста, Максим, скажи что-нибудь?

Что он мог сказать? Что он знал?

– Понимаете, Фарида Султановна, есть еще одна версия, но она сугубо моя. Видите ли, в Москве полно скинхедов. Это молодёжные объединения, новые фашисты. Для них кавказский человек – не человек, по мнению скинхедов Россия – для русских, а всяких черных надо удалять отсюда. Эти фашисты могут запросто убить любого чужака.

– За что, аллах, кому Зурват что сделал? – Фарида Султановна совсем разрыдалась. – Может, у него враги были? Хотя откуда враги, Зурват святой мальчик...

– Фарида Султановна, вы одна приехали?

– Нет, я со старшим сыном Салаватом. Он ждет на улице, подниматься не стал. А муж Аслан сейчас тяжело болен, но я должна была приехать. Я начала собираться сразу, как только ты мне сообщил. Я хочу, чтоб ты проводил меня к следователю. Прямо сейчас!

– Хорошо, Фарида Султановна, мы пойдём. Зурват был моим неожиданным, но хорошим другом. Я уверен, если бы он оставался в Рязани, он был бы жив. Я его никогда не забуду, обещаю. Он будет жить для меня.

18. В кутежах по жизни

Рязань

Денис Метлешку, успешно пройдя определенные испытания, был с радостью принят в число завьяловцев и сразу же получил прозвище Молдаван. Роль ему отвели торговца живым товаром, то есть он должен был организовывать продажу пленных проституток за границу. Молдаван был единственным в группе, кто больше всех матерился. Матерщина капала на мозги даже выдавшим виды Севастьянову и Конкину. Пришлось вносить изменения в дисциплину и штрафовать Метлешку за каждое бранное слово.

Свой день рожденья Николай Ярошенко, он же Хохол, решил отметить весьма бурно в ресторане «Презент». Естественно, не без прекрасной половины. На роль этих половин взяли проституток, которые платили Завьялову. Каждый бандит разобрал себе по бабе.

Помещение ресторана было арендовано уже давно, а гостями Ярошенко объявил всех присутствующих. Тамады никакого не было. Заказав себе коньяка, а женщинам – белого вина, Хохол произнёс тост за себя любимого в первую очередь, затем тост сказал сам «смотрящий». Он единственный пил ром «Бакарди». За присутствующих дам тост поднимал Завьялов.

Во втором часу ночи Даниил Туманов и Юлия покинули ресторан. Спокойно протившись со всеми, бандит и проститутка упорхнули из ресторана, собираясь уединиться.

Они подкатили к гостинице «Рязань», что в самом центре города, сняли номер «люкс». Туманов нетерпеливо затолкал свою спутницу в номер, и, оставшись наедине, обнял Юлю за талию, пытаясь сделать танцевальное движение. Но Юля резко отстранилась и расстегнула декольте. Затем нежно провела бандиту по рубашке.

– Не будет же *это* происходить в таком виде? – И принялась его медленно раздевать. Липа вдруг опомнился и страстно впился в Юлю жарким поцелуем. Она не сопротивлялась и продолжала:

– Надо бы в душ сходить, как ты думаешь?

Бандит заказал в номер шампанское.

– Иди ты первый, а я встречу шампанское.

– Я уступаю место даме, – кокетливо улыбнулся Даниил.

– Только после вас, – не сдавалась Юля.

– Нет.

Юля спешно сняла платье и осталась в одном бикини.

– Видишь ли, Данечка, я люблю расслабиться в ванной, полежать в пене, а это долго.

– Тогда поплаваем вместе, – прильнул к ней Туманов.

В дверь постучали. Юлька открыла в чем была.

– А вот и шампусик! Давай, Данечка, иди в душ, а я приготовлюсь.

Туманову надоела эта возня. Он взял Юльку за руку.

– Скажи честно, что ты задумала? Что ты гонишь меня в душ раньше себя?

– Господи, какая разница, кто пойдёт раньше? – Юля смотрела бандиту прямо в глаза и не дрогнула ни одним мускулом. Даже бровью не повела.

– Ну, вот если нет разницы, то ты и иди, женщина, первая.

Она увернулась и сменила тему.

– Хорошо, Даня. Если ты настаиваешь – обойдемся без душа, просто выпьем за нас.

Юля сама откупорила бутылку и наполнила фужеры. В пышной, красиво уложенной прищечке нащупала маленький бумажный квадратик с раздавленным снотворным в таблетках. Быстренько, но осторожно она развернула бумажку и полностью растворила ее содержимое в одном из фужеров. Порошок тихонько зашипел, Юлька поскорее разболтала фужер и поднесла Туманову:

– Вот, Даниил, выпьем за наше знакомство.

– За твою красоту и упрямство. За твою доступность, – сказал он и легонько чокнулся.

Они выпили на брудершафт. До дна. После поцеловались.

– Я думала, вы дни рожденья не так отмечаете.

– Это кто как хочет. На мой в прошлом году в Египте отдыхали. Кроме ресторана, еще в сауны ходим. Сегодня так простенько.

Туманов начал зевать. Зевота была частая, глубокая и надоедливая.

– Юлька, мать твою, сука ты недоё... Ты что мне... какой дрянью напоила?

Заснул он очень быстро и свалился на кровать. Юлька приступила его обыскивать. Вывернув ему все карманы, она нашла столько денег, что и в руках не помещались; из кармана выпал радиотелефон. Держа в руках все добро, Юлька рассуждала вслух:

– Я, конечно, знала, что он крутой, но чтобы до такой степени... Трубка. Нужен ли мне радиотелефон? Вдруг ему звонить будут. Да ну и хрен с ним. Он себе новый купит, при таких-то бабках. Мне тоже надо, пусть делится.

Она ударила его сумочкой спящего, поправила волосы и ушла.

Туманов пробудился в девять часов. Едва открыв глаза, он сразу понял, что с ним что-то не так: рубашка была расстегнута на пару пуговиц и стояла взъерошенная. Пиджак валялся откинутый на сторону, без гроша денег в кармане, а трубка и вовсе отсутствовала.

– Стерва! – в ярости возопил Даниил Анатольевич и сорвался с места. – Сука! Бухаря заполоскала, япона мать! Шалашовка драная! Кинула-таки меня, лярва? Где мои башли, телефон? Ну, подожди, потаскуха, я еще тебя найду.

19. Дурная шутка

Рязань

Юлию Матросову Даниил Туманов, он же Липа, в первый раз снял на вокзале, во второй раз ее там уже не было. Соратницы Матросовой по ремеслу сказали бандиту, что сегодня Юлька приземлилась на Коломенском шоссе, в районе новорусских коттеджей. Туманов пока-тил туда. Юлька стояла в новой компании, довольная, курила сигарету с ментолом и хохотала. Данила остановил своего «железного коня» и подступил к стайке «ночных бабочек». Одна из них заметила бандита раньше остальных и ахнула в восхищении:

– Вот это мужчина! Обожаю таких серьезных, а от очков вообще тащусь!

Девушки по вызову живо обернулись. Обернулась и Матросова.

– Не может быть! – в страхе прошептала она едва слышно.

– Ну что, лярва дешевая, сколько сегодня стоишь? – зашипел Данила, хлестко вцепился Юльке в волосы и потащил от «панели». Она завизжала.

– Эй, мужик, ты что руки распускаешь? – попыталась защитить новенькую большегрудая девица, крашенная в бургунд. – Заплати сначала, а потом пользуйся!

– Хлебало завали, я не к тебе обращаюсь! Все вы одинаковые! Шалавы! А ты пошли, не то шнифт выстеклю! Бикса!

Юлия упиралась, отбивалась; коллеги пришли на помощь: одни оттягивали ее, другие – Туманова. Сама Юлька изловчилась и завинтила мужику между ног, а сама побежала. Временно лишенный возможности догнать бандит выстрелил в беглянку. Попал ей в лодыжку. Обжигающая боль вынудила Матросову снова вскрикнуть. Раненая нога стала резко слабеть. Юля остановилась, склонилась, чтобы зажать рану, и растерянно оглянулась по сторонам.

Оклемавшийся Липа беглым шагом приближался к ней. Подойдя, грубо поднял за шиворот и погнал, точно овцу, к машине. Втолкнул в салон. Сель за руль.

– Данечка, отпусти, я все верну. Я еще ничего не успела потратить, – заливалась слезами жертва собственной хитрости.

– Конечно, вернешь, куда ты денешься! – свирепо бросил ей Туманов и закурил. Сзади послышался вой милицейской сирены. Бандит испуганно оглянулся.

– Дьявол, еще мусоров мне на хвосте не хватало! А все из-за тебя!

Туманов сильнее нажал на газ, машина, набрав скорость, понеслась вперед. Стрелять в преследователей ему не было смысла: они тоже вооружены и запросто прострелят ему шины. Липа достал трубку, одолженную на сегодня у кого-то из собратьев.

– Кардинал, я нашел эту курву, она у меня. Она мне ментов на хвост подцепила. Я в облаве. Шмалять не могу. Сделай что-нибудь, а я этой шлюхой пока их запутаю.

Минуя светофоры, мчались по улицам Рязани две машины: иномарка и «жигуль», бандит и милиция. Где-то на улице Свободы «Жигулям», по пятам следовавшим за иномаркой, наперерез выехала серебристая «Ауди-80» и стала прямо на пути преследователей, преградив им дорогу.

Тем временем Туманов на минуту притормозил. Он приставил Юльке к виску пистолет и потянулся до аптечки.

– Возьми здесь лейкопластырь и заклей рану, не то вымажешь мне тут все.

Штаб-квартира «Черного льва» – это двухэтажный коттедж со множеством комнат и широкой, просторной гостиной, которую бандиты использовали в качестве зала заседаний: здесь был длинный стол с десятью стульями, телевизор, диван и камин. Комнаты самые обычные, это или спальни бандитов, или оборудованные под склад, где хранилось награбленное, или один кабинет Кардинала и один штрафной изолятор для своих же братков. Он занял место

на втором этаже, рядом с чердаком. Сам коттедж находится у городской черты, на отшибе частного сектора, чем-то напоминает городской хутор.

В комнате, куда Туманов приволок свою заложницу, была аккуратно застлана кровать, на потолке вместо люстры – лампочка, занавески на окнах отсутствовали; и здесь уже были Завьялов, Мелешку и Ярошенко. Туманов бросил Матросову на пол, под ноги браткам. Она сильно ударилась. Все четверо дружно заржали, Молдаван – громче всех; Юля обиженно подняла на него глаза.

– Че пасешься, курва? – грубо бросил ей Денис Ионович, сплёвывая на пол, будто он курил. Завьялов сзади больно пнул девушку. Она глянула и на него.

– Подъем! – приказал главарь.

Юля подчинилась; встала на ноги, расправила платье. Туманов глазами следил за ее движениями.

– Зря стараешься, – прогудел Хохол, – шас все равно снимать его будешь.

Матросова похолодела и медленно попятилась к стенке. Почувствовав, что спина уперлась в стену, девушка судорожно скомкала в руках свою сумочку, а сама замерла в ожидании худшего. Липа приблизился к ней с двух шагов, снял очки, вынул из штанов ремень и мощно смазал им по лицу Юли:

– Где башли, лярва? Капуста? Сожрала?

– Даня, я же го...во...рила... Я все отдам, – шептала Юля, закрывая рукой побуревшую от удара щеку, но Туманову надоело слушать каждый раз одно и то же. Он напряг увесистый кулачище и прошелся женщине по второй щеке. Юля взвизгнула, приложила второй рукой к скуле, которую обожгла горячая боль. Данька вырвал у нее из рук сумочку и швырнул Хохлу. Разбойник обыскал содержимое.

– Где трубка? – ревел Липа.

– Все вместе отдам! И деньги, и телефон!

Завьялов подступил к ней со своей неизменной «бабочкой», которую крепко держал клинком кверху. Прижав Матросовой голову к стене одной рукой, он второй вонзил лезвие прямо у виска пленницы, в стену. Юля зажмурила глаза, от сердца у нее немного отлегло.

– Тебя вообще учили когда-нибудь, что лямзить нехорошо? – Туманов хлестнул ее ремнем по голым ногам.

– Ай-яй! Я же сказала, что все верну! Оно все в целости, ни одной копейки не пропало.

– Это уже мы будем решать, пропало там чего или нет, – предупредил Валерка, отступая.

...За не завешенным окном серел рассвет, брезжил восход солнца. Матросова Юля очнулась тихо и незаметно. Лежа на кровати ничком, с закрытыми глазами, она невольно вдыхала табачный дым, который напустила кодла мерзавцев, стоявшая возле окна и решавшая ее судьбу. То, что ей довелось услышать, ошарашило ее.

– ...Она теперь богатая, – сказал Метлешку, – может на твои, Липа, баксы и свалить куда подальше. Но я ей не дам, падлой буду. Я свое дело знаю. Она шалава опытная и давно не свежак, много не стоит.

Молдаван изъяснялся языком блатным и матерным, но вполне понятным. И Юлия поняла, что ее хотят продать в рабство в далёкую заграницу! Надо отсюда бежать и как можно скорее! Но... куда? Здесь поблизости не спрячешься – найдут, черти! Да и как сбежать? Она одна, а их четверо, и они вооружены. К тому же у нее ранена нога...

Под окном раздался страшный взрыв, в комнате даже стекло выбило. Бандиты ринулись к разбитой раме.

Горела машина Завьялова. Валерка сразу понял, кто и за что ее взорвал.

– Хорь, сука. Он, падла буду. Это он мне вызов бросает. Чувствую, разборами пахнет.

Он печально глядел на свое терпящее бедствие авто и вздыхал, пока вдруг Метлешку не взревел:

– А где эта тварь?

Братки резко обернулись: кровать, на которой лежала Матросова, была пустая.

– Далеко она не могла свалить! – не растерялся Завьялов. – За ней!

Юлия тем временем без оглядки мчалась по пустой трассе, повторяя вполголоса: «Господи, боже мой, скорее».

Сзади прозвучал сигнал машины. Юлия обомлела, но решила не останавливаться. Японская иномарка поравнялась с ней, и водитель смешливо крикнул ей в открытое окошко:

– Это что, пес Барбос и необыкновенный кросс?! – И засмеялся.

Матросова повернулась: следом за ней ехал ее сутенер Павел.

– Шо смотришь? – хохотал Павел. – Где собаки? Садись.

Девушка поскорее села в его спасительную машину.

– Пашка, мне тебя сам бог послал!

– Видишь, а когда-то ты меня проклинала, помнишь? Кричала, чтоб я проваливал. Вот и я пригодился. Ты что, ранена?

Меня бинты, Павел попутно расспрашивал:

– Что у тебя произошло-то?

– Паша, я совершила ошибку, наверно, самую большую в жизни. Позавчера я была на дне рожденья у бандитов... – Юлия рассказала сутенеру все, от начала до конца, вплоть до того, что ее хотят продать в рабство.

– Не помню, рассказывал я тебе или нет, но у меня есть кузен, который раньше тоже в банде состоял. Сегодня он управляет казино, в котором пропасть разнокалиберной братвы ошивается, он всех братков знает. Поехали-ка к нему.

Иван, некогда Вано, кузен Павла, рассказал следующее:

– Бригадиром там Завьялов Валерка, в преступном мире еще хорошо известный под погонялом Валек (Валентин) Завьял. Мужик молодой – еще и тридцати нет, но придурковатый маленько. Правда, к работе относится серьезно, знает свое дело. Ранее не судимый. Он у них рэкетиер.

– Да-да, я знаю, он у меня вымогал, – подтвердила Юлия. – Я сама ему лично отстегивала.

– Вот! Правильно. В своем районе, Дашково-Песочне, он хозяин. Бригадир уже второй: первого, Вована Михея, на разборке положили. Тогда же Завьяла выдвинули в бригадиры и с тех пор никак не могут задвинуть обратно. Эта свора сильная, крепкая, устойчивая, но для братвы они большой угрозы не представляют. Они вполне победимы и победить их не трудно. В свое время их люто ненавидела банда Гусева, Гуся, но последний год Гусев сотоварищи в Америке обосновался. Еще есть «цыгане», банда Цыганова. С «завьяловскими» они не то чтобы враги, я бы не называл их так серьезно, но «завьяловские» цыганских побаиваются, и не слабо. Скорее, это конфликтующие стороны.

– А что за Хорь? Завьялов утачку взорвали, так он какого-то Хоря упоминал.

– Это тоже один из их недругов. У себя тоже бригадир, значит, с Завьяловым что-то не поделили. Банда Хоря намного мощнее банды Завьялова.

– Вань, а если я верну Туманову деньги?

– Конечно, вернешь, у тебя просто нет другого выхода. Тем более ты видела, от них не спрячешься.

– Что мне дает вся эта информация?

– Цыган может обеспечить тебе «крышу» от завьяловских. Правда, на него тоже придется работать. Но Цыган и выходные дает, и даже каникулы. И потом, ты, может, не навсегда под ним будешь, а пока гроза не пройдет.

– Соглашайся, – сказал Павел. – И меня ты больше не увидишь. Какая тебе разница, на кого работать?

20. Любовь

Ваганов с Таней проснулись под одним одеялом. Проснувшись, Таня села на постели. Ваганов, не поднимаясь, лежа обнял ее одной рукой.

– Иди ко мне, – сказал утробно.

– Я здесь, я никуда не уйду.

– Какую прекрасную ночь мы провели! Я еще хочу.

– Мне тоже понравилось.

Ваганов опрокинул ее на подушку. Для порядка еще раз потискал ее грудь.

– Ты знаешь, что я тебя люблю? Никого еще я не любил так, как тебя.

– Я тоже тебя люблю. Я в тебе просто пропала, – Таня потянулась к нему и начала крепко целовать.

– Ты такая красивая. Неужели тебя никто не любил?

– Это я никого не любила. У меня было два мальчика, но я с ними не спала.

– Меня ждала?

– Никого я не ждала. Просто воспитана я так, что не стоит ложиться в кровать с человеком, к которому ничего не испытываешь. Второй мальчик и вовсе был женат, а вторгаться в чужую семью я не стану. Для меня это табу.

Ваганов уткнулся в Танино мягкое тело.

– Тань, давай поженимся?

– Что ты сказал?

– Я говорю, выходи за меня замуж. Я хочу, чтоб ты стала моей женой.

– А жить мы с тобой где будем? И на что?

– Жить можно здесь – есть комнаты семейные, а на что – посмотрим.

– Нет, так не пойдет. Сначала надо решить, как мы жить будем, а потом уже жениться.

Ваганов поднялся обиженный:

– Вот умеешь ты все испортить.

– Может, тебе на работу пойти?

– Кому я нужен с судимостью? Разве что у Завьялова денег одолжить?

– А отдавать чем будешь? Ты собираешься всю жизнь жить в долг?

– Тань, да если мы поселимся в этой общаге, нам деньги-то особо не нужны будут. Здесь питание дармовое, проживание тоже. А если тебе что понадобится, так ты же за учебу что-то получаешь, тебе хватит. А я присмотрюсь, может, каким подсобником к кому пристроюсь.

– Ты сначала пристройся, потом будешь говорить. В Москве, кстати, работы много, было бы желание.

Ваганов с Таней были знакомы уже больше полугода и успели друг друга полюбить. Они не могли надолго расставаться, оба скучали в разлуке. Но Ваганов еще ни разу не был у Тани дома.

– Скажи, дома догадываются, что у тебя кто-то появился?

– Там не догадываются: там знают. Я ведь до сих пор всегда дома ночевала, а теперь стала по ночам отсутствовать. Понятно, что я ночую у кого-то. Но я совершеннолетняя, мне нечего предьявить.

Едва они спустились в холл, вахтерша сказала:

– Очень кстати явился. Тебя к телефону.

Ваганов молча взял трубку.

– Салют, дорогой, как делишки? – довольно протрещал на другом конце провода Завьялов.

– Прекрасно, – неприветливо ответил тот. – Ты когда в Москву собираешься?

– А ты че, соскучился по мне? Мое ты солнце! Страдаешь, бедненький? Не, пока не собираюсь, дел по горло. Потерпи еще чуток.

– Как ширево толкнул?

– Ах ты мой ненаглядный, интересуешься! Благодарю, идеальным образом. Все прошло «без шума и пыли». Но это все потом. Я звоню тебе сказать, что я тебе немного денег перечислил – материальную помощь, так сказать. Сходи на почту и получи.

– Хорошо, завтра схожу. Благодарю.

Даже не сказав вахтерше «спасибо», Ваганов пошел с Таней на выход.

Таня и Юра гуляли по московским улицам, держались за руки, много целовались и любовались осенней природой. Двум влюбленным было тепло друг от друга. И им не нужен был целый мир, они сами были этим миром.

Утонув в море любви, Таня совсем закрыла глаза на то, что ее возлюбленный может быть бандитом или убийцей. Он любил ее, она это чувствовала и верила тому, она тоже его любила. У них между собой больше не было секретов. Ваганов рассказал Тане, что был судим, но что ей делать, если она влюбилась? Они оба любили друг друга – остальное уже не важно.

– Юра, я не переживу, если с тобой что-нибудь случится, – призналась Таня.

– Со мной ничего не случится, обещаю. Мы будем вместе всегда, – убедительно сказал он.

Ваганов прижал Таню к себе поближе, и они пошли вдоль дороги.

21. Разговор с незнакомцем

Так получилось, что в тот день Ваганов опоздал на ужин в общаге, поэтому решил перекусить у «Бистро». Он спокойно сидел за столиком и смаковал оригинальную пиццу, рядом остывали два хот-дога, когда рядом с ним опустились две тяжелые тени... Ваганов поднял глаза.

– Здравствуйте, молодой человек, – железным голосом сказал незнакомец слева.

Ваганов, опешив, молча кивнул в ответ и взялся разглядывать незнакомцев. Оба они были представительного вида, но тот, что был справа, – высокий, крепкий, сложения атлетического, с залысинами, а за ушами – редкие седые волосы, одет был в зимнее пальто, черный костюм и темные очки; второй роста примерно среднего, лысый, одетый в серый полосатый пиджак. Он стоял слева. И он же бесцеремонно отодвинул стул рядом и уселся за стол, сложив крестом татуированные ладони. Ваганов по наколкам узнал уголовного авторитета.

– Приятного аппетита вам, молодой человек.

Ваганов закивал головой, хмыкнул и набитым ртом поблагодарил.

– Привет от Шуры Мохнатого, Палач, – лукаво подмигнул незнакомец.

Ваганов поднял глаза и едва не поперхнулся.

– Он тебя ищет, – продолжал незнакомец. – Сорвал когти, натурально.

– Откуда вы его знаете?

– На Балашовке вместе чалились в семьдесят каком-то году. В Саратовской области.

– Вы кто такой? – Ваганов перестал жевать.

– Не будем, давайте, вдаваться в эти подробности; это не так, собственно говоря, и важно, хотя в Москве меня знают абсолютно все. И не только в ней. Я известен очень далеко, даже дальше, чем ты думаешь. Тебе сколько лет?

– Двадцать пять.

– Вот, я тебя старше почти в два раза и пережил тоже, условно говоря, вдвое больше. Ты неправильно живешь, пацанчик. Шурик Мохнатый тебя на зоне больше всех ненавидел. За то, что ты маму родную не уважаешь, не писал ей письма, не хотел ее видеть. И ты знаешь, что это так, просто не хочешь признаваться. Ты просто задаешься.

– Откуда вы все это знаете?

– Эй, официант, самого лучшего вина, двойную порцию! Я, как ты правильно подметил, в натуре все знаю. Ты лучше слушай, что жить тебе следует по-другому, усек?

– Это как «по-другому»?

– А так. Ты не вор, не из воров, не из авторитетов, но пытаешься жить по воровским понятиям и законам. Это непорядок. Я бы отнес тебя к порченным фраерам. Ты с московским «смотрящим» знаком, нет? Могу устроить. Только тогда тебя на правилку поставят. Ты лучше меня послушай, я тебя пока только предупреждаю, сечешь?

Ваганов подавленно проглотил кусок, не довольный, что его лихо обломали. Он явственно представил себе, что же будет, если Шура его все-таки найдет. Еда больше не полезла ему в рот. Зато он понял, что видит перед собой настоящего вора в законе.

– Вы давно видели Мохнатого в последний раз?

– Какая разница?

– Мне, в принципе, никакой, а вот вам, я думаю, будет полезно узнать, что Шура в бытность мою на зоне собирался подавать заявку зеленому прокурору. По случаю моего прибытия на зону он хотел меня «офоршмачить», а еще он очень хотел получить от «хозяина» кичи какую-нибудь милость, для чего и переквалифицировался в «суки».

Услышав это, авторитет заметно изменился в лице.

– В натуре? Вот я не знал...

– Теперь знайте. Теперь Шура – стукач.

Незнакомец достал кубинскую сигару, угостил персону в черном и на минуту умолк. Ваганов опешил: по кубинской сигаре он узнал, что перед ним – Кардинал, смотрящий у Завьялова. Допив, наконец, остатки вина, Кардинал вместе с черным напарником поднялись из-за стола, расправили пуховики и вышли из кафе. Через две минуты раздался громкий окрик: «Шахтер!», а следом послышалась стрельба. Ваганов выскочил на улицу: там велась перестрелка, как в кинобоевике. Очевидно, кто-то из местных врагов Конкина уже давно поджидал его – для того, явно, чтоб оскорбить этим словом, которое у воров считается хуже мата и словами такое оскорбление не смывать. Стреляли прямо посреди улицы. Милиция не мешалась – негде было. Противник Виктора Владимировича застрелил РУБОПовца. Ваганов наблюдал эту сцену с большим интересом, затаив дыхание. Он видел, как авторитеты-законники, на глазах у массовой публики и милиции, катались по полу, бились головами об асфальт, бросая друг другу в лицо матерную брань, а Кардинал без конца шипел: «Кто шахтер»? «За дело, значит, ему такой комплимент отвесили», – с сарказмом усмехнулся Ваганов. А Кардинал вдруг взметнул противника на ноги и приставил спиной к стене, затем послышался глухой выстрел. Кардинал, грязный и побитый, с кровью на лице и одежде, вооруженный маузером, медленно отходил назад к своему лимузину; поверженный противник, застреленный выстрелом в брюшину, с зажатым пистолетом, окровавленный и с разбитой головой, ровненько сидел на асфальте.

Игнорируя суматоху среди представителей силовых ведомств и просто москвичей, Кардинал и его охранник впрыгнули в черный лимузин с эмблемой льва с правой стороны и исчезли со скоростью света с поля зрения зазевавшейся толпы. Они подкатили к гостинице «Россия» – перед ними портье сам распахнул дверь и поинтересовался, что произошло и не нужна ли медицинская помощь. Кардинал ничего не отвечал, а на все вопросы только отмахивался.

– Номер с выходом на Кремль, – приказал на входе охранник авторитета.

– У нас в таком номере сам Горбачев жил.

Кардинал, с перевязанной головой, с вымытым лицом, с голландской сигарой сидел, развалившись в кресле, в тапочках и красивом итальянском халате; дымил сигаретой и говорил по трубке:

– Угадай, где я нахожусь? Вот любуюсь кремлевскими звездами из окон «России».

22. В семье Ольшевских

- Проходи, – сказала Таня, ведя Ваганова за руку.
- Мама, иди сюда! Познакомься, это мой молодой человек Юра. Юра, это моя мама, Светлана Васильевна.
- Здравствуйте, – сказал Ваганов, пряча руки за спиной. И переступил порог уютной трехкомнатной квартиры.
- Дима, Сереж, идите сюда! – крикнула Таня.
- Из спальни показались два парня.
- Это мои братья, – сказала Таня. – Это Дима, а это Сергей. А это мой жених Юра.
- Парни подали гостю руку.
- За что сидел? – спросил прямо в лоб Сергей.
- Это из армии, – хотел соврать Ваганов, но Сергей не поверил.
- Да я был в армии, там таких не ставят.
- За угон машины, – на ходу придумал Ваганов.
- И много за угон дают?
- Пять лет.
- Значит, теперь заживем! По внутреннему распорядку, – язвил Сергей.
- По понятиям, – подхватил Дима. – Теперь он нас всех в одну шеренгу построит. Будем ходить дружной пятёркой!
- Не обращай на них внимания, не слушай их, – сказала Таня. – Пошли в мою комнату, посмотришь, где я живу, – пригласила Таня.
- Они ушли в комнату, и там сразу стало тихо. Влюбленные долго целовались и не могли оторваться друг от друга.
- Танюша, я хочу целовать тебя всегда, не переставая, – шептал Ваганов. – Я хочу тебя прямо здесь и сейчас. Выходи за меня, слышишь? – Он распустил руки.
- Юра, мы здесь не одни, – вздохнула она.
- Ваганов вышел из спальни.
- Светлана Васильевна, – решительно сказал он, – мы с Таней знакомы уже больше полу-года, я хочу жениться на ней.
- Таня уже взрослая, ей мое согласие не нужно, – ответила мать в замешательстве.
- Но вы как на это смотрите? Вы согласны?
- Полгода не так и много. Таня еще такая молоденькая, ей только девятнадцать. Может, вы торопитесь?
- Нет. Я для себя все решил. Я люблю ее и не могу без нее жить.
- Где вы будете жить?
- В общежитии. Там, где сейчас живу я, только комната большего размера будет.
- Юра, я о тебе совсем ничего не знаю. Кто ты, откуда ты, что у тебя за семья. Сергей сказал, ты сидел, а ты и не споришь.
- Все время прятать руки – не выход, хотя там такие татуировки, что едва приметные. Да, сидел, было дело. Машину чужую угнал. Но давно раскаялся в этом и больше не нарушаю. Сам я из Рязани, там у меня мама и сестра старшая. Отец не проживает. По моим сведениям, он вообще в Америку уехал.
- Ты в Москве давно?
- Не очень. Меньше года.
- За это время можно себе применение найти. Как же ты живешь все это время?
- Ваганов рассказал о правилах проживания в общежитии.

– Ну, хорошо, это тебе такие условия разрешены, потому что вы приятели с тем парнем. А если Таня появится, она там каким боком?

– Светлана Васильевна, не бойтесь вы так, не будем мы на улице жить. Я не из тех, которым от девушки нужен только секс, а потом ее бросают. У нас с Таней любовь. Это очень серьезно, и это чувство я хочу скрепить узами брака.

– Что-то мне рожа его кажется знакомой, – вышел к ним Дима. – Где я мог его видеть?

– Кажется, на каком-то столбе, – подсказал Сергей. – Мы же с тобой вместе читали, помнишь, тогда убийцу какого-то разыскивали.

– Точно! – вспомнил Дима. – Это не тебя, господин хороший, тогда искали? Не тебя в убийстве подозревали?

– Не меня. Такой случай был, – не стал отрицать Ваганов, – но меня спутали с убийцей. Мы оказались похожи. Та ориентировка с похожим на меня человеком, не со мной. Меня даже допрашивали, свидетелю представляли, но свидетель меня не опознал.

– Почему ты мне раньше этого не рассказал? – удивилась Таня.

– Зачем тебе это знать?

– Как это «зачем»? Я думала, между нами больше нет тайн, а ты мне не доверяешь.

– Танюш, дело не в этом. Ничего же не произошло, зачем тебя зря расстраивать.

– У меня такое чувство, – сказала мама, – что Таня на войну собирается.

– Мам, какая ты смешная! Ну, какая война? Откуда война, мы не заказывали...

– Танечка, ты хорошо подумала, тебе это точно надо?

– Надо, мамочка, очень надо. Я люблю Юру без памяти.

– Скажите, пожалуйста, «без памяти», – передразнил Дима, – такой любви не бывает.

– Мама, подумай хорошенько, ты ведь толкаешь ее в объятия уголовника, – сказали братья хором.

– Я ее никуда не толкаю. Таня уже сама в состоянии решать, что ей делать. Если она решила выйти замуж, я ничего не могу сделать.

Таня взяла Ваганова за руку и сказала уже другим тоном:

– Пошли отсюда, Юра. Нам здесь не рады. Они против нас. Братья просто завидуют, что им самим уже пора жениться, а у них даже невест нет. Если у них однажды появятся невесты, я приму их точно так же.

Потом, оставшись с Таней наедине, мама спросила:

– Твой Юра – парень красивый. Ты не боишься того, что красивый муж – чужой муж?

– Гулять будет?

– Обязательно.

– Нет, не боюсь. Я сделаю все, чтоб он не гулял.

– У него ни кола, ни двора, ни жилья, ни денег; зачем он тебе?

– Я хочу быть с ним, мама, пойми, что я влюбилась.

– Влюбилась? Да любовь ли это вообще? В девятнадцать лет можно за любовь принять что-то другое.

– Мама, а ты папу любишь?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Хочу понять, знаешь ли ты, что такое любовь.

– В молодости и я любила. Но он меня предал и вас бросил совсем детьми. Что ты сравниваешь, это совсем другое.

– Мама, я тебе не сказала. Мы с Юрой уже день свадьбы выбираем. Видишь ли, в нашем загсе до зимы все расписано, а зимой мы сами не хотим. Холодно и все такое.

– Так когда же?

– Поженимся мы весной. Нам все равно, кто за, кто против. Мы сами вправе решать свою судьбу.

- Полгода не так и много. Может, вы торопитесь?
- Я бы хотела, чтобы папа был на моей свадьбе.
- А он этого хочет? У него другая семья, там ребенок. Он за все эти годы, что бросил нас, даже ни разу о вас не вспомнил. С днем рожденья не поздравлял, вы с Димой без него взрослыми стали. О чем тут вообще можно говорить?
- Мама, тебе Юра понравился?
- По правде сказать, нет. Он красивый, но не больше. Что в нем может нравиться, кроме лица? Нищий, из тюрьмы... Как он насчет выпить?
- Уважает, но не злоупотребляет. Сама видела, не боись. Меру знает, ведет себя тихо.
- Ну смотри, смотри... Тебе жить.

23. Вот такой жених...

В столовой общежития за ужином Ваганов в середине столов увидел девушку, сидевшую между матерью и братом. Она бросилась Ваганову в глаза потому, что была выкрашена в ярко-бордовый цвет. Девушка не спеша ела, в Юркину сторону даже не смотрела, в то время как он не спускал с нее глаз. И засек, что ее родственники удалились, а она осталась одна. Не теряя времени, Ваганов беспардонно подсел к ней.

– Привет, – сказал.

– Привет. Тебе чего?

– Ничего. Познакомиться хочу.

– А я тебя с девушкой видела...

– С какой? – скорчил Ваганов морду веником.

– Будто не знаешь! С такой худенькой блондинкой.

– Где ты меня с ней видела?

– Ай, ну тебя... – Незнакомка отмахнулась и встала с места, равнодушно обошла Ваганова и понесла сдавать тарелки. Ваганов изловчился и цапнул ее за ногу, держал крепко.

– Отвали! – прошипела девчонка. Парень подавленно поднял на нее глаза и убрал руку.

– Ты в какой комнате живешь?

– В какой надо! Не, ну слушай, чувак, отвали ты по-скорому, не то мой парень тебе клешни-то укоротит!

На минуту опешивший от отборных слов девахи Ваганов стоял недвижимо, девчонка тем временем удалилась. Он снова настиг ее у лифта и с аппетитом впился в мягкое место:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.